АВГУСТЪ. 1903.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

(*См. на оборотѣ*).

Командировка на холеру.

Изъ записокъ женщины-врача.

VIII.

Красная Рѣка.

Въ теченіе нашего пребыванія въ Старомъ Уренѣ мнѣ на нѣсколько дней пришлось послать Надежду и Софью Яковлевну Кол. въ село Красную Рѣку, откуда пришло къ д-ру П. извѣстіе, что тамъ въ одинъ день умерло восемнадцать человѣкъ. Оттуда сестры написали мнѣ, что этотъ слухъ невѣренъ, и что есть только человѣка два-три больныхъ, которыхъ до сихъ поръ лѣчилъ фельдшерскій ученикъ, находящійся на каникулахъ у своихъ родителей, краснорѣченскихъ крестьянъ. До меня тоже дошли слухи, что населеніе относится недовѣрчиво къ помощи постороннихъ людей, что фельдшерицъ встрѣтили угрюмо и что слышны были на задворкахъ выстрѣлы, а проходившая въ это время баба крикнула имъ въ слѣдъ: „И вамъ то же будетъ!“

Все это обезпокоило меня: я рѣшила сама пріѣхать въ Красную Рѣку и узнать, въ чемъ дѣло. Мнѣ что-то нездоровилось въ послѣднее время. Я приписывала мое нездоровье усталости и неправильности образа жизни, не придавая ему серьезнаго значенія и полагала, что поѣздка въ Красную Рѣку принесетъ мнѣ пользу. По пути мнѣ, однако, стало такъ нехорошо, что въ Старой Майнѣ я должна была заѣхать къ вольно-практикующему врачу, г. Т., чтобы взять у него лѣкарствъ, которыхъ съ собою не захватила. Мнѣ была очень непріятна мысль о серьезномъ заболѣваніи въ то время, когда у насъ дѣло еще такъ мало налажено и наша помощь нужна чуть не въ десяти мѣстахъ сразу.

Благодаря покойному двухъ-часовому сну и кое-какимъ каплямъ и порошкамъ, мнѣ стало почти совсѣмъ хорошо, и я продолжала свой путь. Я пріѣхала въ Красную Рѣку довольно поздно вечеромъ и встрѣтила моихъ фельдшерицъ при въѣздѣ въ деревню: онѣ шли домой отъ больного, жившаго на краю

деревни. Мы вмѣстѣ пошли пѣшкомъ. Сестры сказали мнѣ, что ихъ дѣйствительно встрѣтили недружелюбно. Въ Красной Рѣкѣ много инородцевъ, именно мордвы, относящихся очень недовѣрчиво къ медицинской помощи вообще. Фельдшерскій ученикъ, по словамъ сестеръ, усердно посѣщалъ больныхъ, — онъ говорилъ, что не можетъ убѣдить жителей, что медицинская помощь оказывается имъ, какъ слѣдуетъ. Когда пріѣхали фельдшерицы, то за околицей стрѣляли, „прогоняя холеру, которую привезли дохтура", и вслѣдъ фельдшерицамъ дѣйствительно крикнули: „и вамъ то же будетъ!" Фельдшерскій ученикъ совѣтовалъ по ночамъ къ больнымъ не ходить, чтобы не подвергнуться нападенію,—онъ и самъ не ходилъ, будучи, однако, уроженцемъ Красной Рѣки. Священникъ села, молодой и добрый человѣкъ, много помогавшій крестьянамъ, тоже совѣтовалъ сестрамъ быть осторожными.

„Ну, а мы всетаки и по ночамъ ходимъ", закончили свой разсказъ фельдшерицы: „у насъ не хватаетъ духу заставить больного страдать до утра безъ помощи".

— И отлично дѣлаете,—подтвердила я:—двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать!.. И вотъ что: отличныя вы дѣвушки и дай Богъ всякому работать такъ, какъ вы!

Когда мы пришли въ избу, мнѣ опять стало не по себѣ; въ избѣ было жарко, душно и тѣсно. Сестры говорили, что ихъ сюда, то есть во взъѣзжую избу, едва впустили—хотѣли отказомъ отъ квартиры выжить ихъ изъ деревни. Видя, что я очень утомлѐна и несовсѣмъ здорова, сестры настояли на томъ, чтобы я сегодня вечеромъ не навѣщала больныхъ, такъ какъ тяжелыхъ случаевъ нѣтъ, и уговорили меня лечь въ сѣняхъ, въ чуланѣ, который не топится и гдѣ онѣ сегодня все чисто вымыли и прибрали. Тамъ дѣйствительно было чисто и свѣжо. Надѣясь, что спокойно проведенная ночь вполнѣ поправитъ меня, я была очень благодарна сестрамъ за уступку этого помѣщенія и, взявъ съ собой Аннушку, пошла устраиваться. Мнѣ, однако, настолько было худо, что я наполовину серьезно сказала Аннушкѣ:

— А что, если бы у меня сдѣлались судороги, ты бы оттерла меня, Аннушка?

— А то неужели нѣтъ... ужъ постаралась бы!

— Знаешь, — сказала я:—больные увѣряютъ, будто передъ тѣмъ, какъ начинаются судороги, все тѣло колетъ, какъ иголками...

— Слыхала я это... да вѣдь имъ не во всемъ вѣрить можно. Одна баба сказала, что ее кололо... ну и всѣмъ бабамъ надо показать, что и онѣ не хуже, что и ихъ иголками кололо!

Аннушка вообще отличалась юморомъ,—и въ томъ, что̀ говорила, и въ томъ, какъ говорила... Я не могла не засмѣяться на ея отвѣтъ.

— Ну, вотъ вамъ и постель готова...—сказала она.

Въ чуланѣ стояла большая деревянная кровать, которую только что вымыли. Аннушка наложила на нее свѣжаго сѣна, накрыла его чистою простынею, и я подумала, что давно у меня не было такого роскошнаго ложа и давно я не ложилась спать почти съ увѣренностью, что меня до утра не разбудятъ: сестры сказали мнѣ, что только въ крайнемъ случаѣ потревожатъ мой сонъ.

Наконецъ, мы улеглись, и Аннушка потушила свѣчу. Въ чуланѣ было прохладно и много свѣжаго воздуху, такъ какъ слуховое окошечко надъ постелью не имѣло стекла. Я стала дремать. Вдругъ, чувствую, что меня разъ и два кольнуло въ одну руку, потомъ въ другую... уколы были мелкіе, будто тончайшими иголками; они становились все чаще и чаще... закололо въ лицо, въ шею... Дремота моя сразу прошла и я начала не то недоумѣвать, не то смущаться... Что же это такое? Мое дневное недомоганіе прошло, а теперь вотъ это... И точь въ точь, какъ разсказывали бабы: сначала колетъ руки, потомъ лицо, потомъ шею... все даже горитъ отъ тысячи уколовъ... Надо разбудить Аннушку...

— Аннушка!—тихо позвала я,—Аннушка, проснись!

— А? Что?—отозвалась та, съ просонья.

— Зажги свѣчку,—сказала я:—не знаю, что это такое, но меня чуть не всю колетъ, какъ иголками.

— Охъ, Господи! охъ, тошнехонько!—засуетилась испуганно Аннушка и принялась шарить вокругъ себя, не находя съ перепугу ни свѣчки, ни спичекъ.

Наконецъ, она зажгла свѣчу. Что это такое? Моя подушка, одѣяло и вся я осыпана точно гречишною шелухою... и вся эта шелуха, какъ живая, копошится и спасается бѣгствомъ...

— Батюшки, клоповъ-то, клоповъ-то! — не своимъ голосомъ завопила Аннушка, всплеснувъ руками... Я же неудержимо расхохоталась... Тѣмъ и кончилось мое холерное заболѣваніе. Отряхнувъ свои вещи, мы изъ кладовой перешли въ сѣни и тамъ, завернувшись въ свои одѣяла, на голомъ полу проспали сномъ праведныхъ до самаго утра.

Посмѣявшись утромъ съ фельдшерицами своей ночной тревогѣ, я отправилась съ ними по больнымъ. Никакихъ особенно тяжелыхъ случаевъ не было.

Впослѣдствіи снова прошелъ слухъ объ эпидеміи въ Красной Рѣкѣ, и мнѣ опять пришлось съѣздить туда для того, чтобы убѣдиться, что тамъ холеры на этотъ разъ и вовсе нѣтъ. Благодаря этому, мое посѣщеніе ограничилось тѣмъ, что я два часа провела у священника, который много разсказывалъ мнѣ о мордовскихъ обычаяхъ и суевѣріяхъ и объ отношеніи этихъ инородцевъ къ эпидеміи и къ посылаемой имъ медицинской помощи.

Лѣчиться ихъ можно было уговорить только съ трудомъ, дезинфекцію они никакъ не могли взять въ толкъ и сильно противились ей, но заболѣваній страшно боялись и, не смотря на то, что были крещены въ православную вѣру, приносили жертвы своему богу Кереметю, моля его избавить ихъ отъ злой напасти. При этомъ не обходилось безъ колдовства, заклинаній и заговоровъ. Батюшка, однако, не могъ мнѣ въ точности передать, въ чемъ заключалось колдовство, такъ какъ все это совершается въ величайшей тайнѣ.

Вспомнился мнѣ при этомъ одинъ любопытный относящійся сюда случай, происшедшій, по словамъ краснорѣченскаго священника, въ одномъ изъ сосѣднихъ приходовъ. Умеръ богатый мордвинъ отъ холеры. Его похоронили по обряду православной церкви, какъ слѣдуетъ, и, по обычаю, устроили поминальный обѣдъ, на который приглашенъ былъ и священникъ съ причтомъ. Священникъ, зная неопрятность инородцевъ и будучи въ домѣ холернаго, благословилъ трапезу, но отказался принять въ ней участіе. Тогда вся семья покойника начала его упрашивать отвѣдать хоть одинъ блинокъ; просили, кланяясь въ ноги, со слезами. Священнику даже совѣстно стало за свой отказъ, которымъ онъ вызвалъ такія униженныя и горячія мольбы и, хотя ему было очень непріятно ѣсть что-нибудь въ этомъ домѣ, однако онъ съѣлъ поданный блинъ. Тогда вся семья опять бросилась ему въ ноги; со слезами благодарности ему цѣловали руки и края рясы.

— Да что же я такое особенное сдѣлалъ?—сказалъ онъ уже совершенно смущенно:—за что вы такъ меня благодарите... Не хотѣлъ сначала ѣсть блина, а потомъ съѣлъ—только и всего!..

— Да какъ же не благодарить, батя, — вѣдь у насъ теперь хвори и совсѣмъ больше не будетъ...

— Какъ? Отчего не будетъ?—удивлялся батюшка.

— Да какъ же! Вѣдь мы тебѣ такой блинъ дали, чтобы хвори не было... У насъ такая примѣта: тотъ блинъ сутки у покойника на лицѣ пролежалъ!

Предоставляю читателю вообразить, что почувствовалъ батюшка. Прибавлю только, что онъ холерой не заболѣлъ и живъ остался.

Вообще, священникамъ въ это печальное время приходилось очень трудно. Ихъ подозрѣвали въ томъ, что они, вмѣстѣ съ господами, стоятъ за „англичанку“ и ея коварный планъ погубить „хворью“ всю ту часть русскаго населенія, которая способна защищать отечество отъ иноземныхъ нашествій. Про нихъ говорили, что они даютъ холеру въ причастіи... Впрочемъ, разсказчикъ или разсказчица почти всегда прибавляли: „Конечно, *нашъ* батюшка этого не дѣлаетъ“... Священнику въ Большой Кандалѣ одинъ крестьянинъ прямо въ лицо сказалъ:

— Правду-ли, батюшка, одна баба мнѣ говорила, что ты въ причастіи холеру даешь?..

— А я вотъ слышалъ, что ты человѣка на большой дорогѣ зарѣзалъ да ограбилъ...—возразилъ батюшка.

— Что ты, батька!—возмутился крестьянинъ:—развѣ я душегубъ какой? Напрасно ты меня обижаешь!..

— А какъ же ты меня, отца своего духовнаго, подозрѣваешь въ томъ, что я людей отравляю... Вѣдь ты меня больше обидѣлъ, чѣмъ я тебя, ибо я лицо духовное...

— Прости меня, Христа ради, батюшка!.. Вѣдь не я говорю... люди болтаютъ...

— И тотъ дуракъ, кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ! — отвѣчалъ батюшка, отъ котораго я слышала эту исторію.

Новиковскій священникъ разсказывалъ мнѣ, что какъ только прошелъ слухъ о холерѣ, то къ нему явились ходоки отъ міра и одинъ изъ нихъ, показывая ему хорошо отточенный топоръ, сказалъ:—Вотъ что, батя; про вашего брата говорятъ то и се: какъ вы съ господами да съ англичанкой холеру въ народъ пущаете... Такъ помни вотъ что: если у насъ хоть одинъ человѣкъ въ Новиковкѣ умретъ отъ проклятой хвори, то и тебѣ живу не быть... Такъ и знай и устраивай, чтобы мы живы и здоровы были!

— Можете себѣ представить мое положеніе, — прибавлялъ батюшка: — что я могъ сдѣлать? Только молиться объ этихъ несчастныхъ, о моей семьѣ и о себѣ... Никогда я, кажется, не молился такъ горячо... И вотъ, вы сами знаете, на мое счастье ни одного холернаго случая въ Новиковкѣ не было.

Дѣйствительно, въ Новиковкѣ не было холерныхъ заболѣваній. Это селеніе лежитъ на рѣчкѣ Красной Рѣкѣ; во всѣхъ деревняхъ выше и ниже Новиковки по теченію: въ Кудрявщинѣ, въ Красной Рѣкѣ и другихъ были холерные случаи, но Новиковка была пощажена. Нужно сказать, что вся разница Новиковки отъ другихъ селъ состоитъ въ ея большей зажиточности. Это бывшее имѣніе и родина Скобелева. Мѣстные обыватели разсказывали мнѣ, что предки Скобелева были новиковскими крестьянами. Екатерина II вывела его прадѣда въ люди и подарила ему деревню, откуда онъ былъ родомъ. Теперешніе крестьяне въ высшей степени гордятся своимъ бывшимъ бариномъ и родичемъ. Все это я слышала на мѣстѣ и за достовѣрность разсказаннаго не ручаюсь, а привожу, какъ преданіе, передающееся отъ отца къ сыну у мѣстнаго населенія.

Убѣдившись, что въ Красной Рѣкѣ холерныхъ заболѣваній нѣтъ, я попросила священника и фельдшерскаго ученика извѣстить меня въ случаѣ чего-нибудь подозрительнаго и, распростившись съ ними, уѣхала.

IX.

Большая Кандала.

Изъ Рѣпьевки мы переѣхали въ Большую Кандалу; именно: Илья Александровичъ, сестра Анна Михайловна, двѣ сидѣлки и я. Павла Николаевна осталась въ Рѣпьевкѣ; Надежду и Софью Яковлевну Кол. я послала къ доктору П., который желалъ командировать ихъ въ окрестныя деревни по мѣрѣ необходимости.

По пути изъ Рѣпьевки въ Кандалу мы должны были перемѣнять лошадей въ селѣ Панскомъ Потряскинѣ у содержателя земской почты Скворцова. Этотъ Скворцовъ былъ преоригинальный старикъ. На этотъ разъ мы ничего особеннаго не замѣтили въ немъ, кромѣ весьма ласковаго отношенія къ намъ и того, что онъ заложилъ намъ прекрасныхъ лошадей и самъ насъ лихо везъ, такъ что мы очень скоро проѣхали двѣнадцать верстъ, отдѣлявшихъ Потряскино отъ Большой Кандалы.

Потряскино—большое село, почти сплошь застроенное кирпичными избами. Когда я удивилась этому, мнѣ отвѣтили, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ тамъ былъ страшный пожаръ; не смотря на то, что онъ случился днемъ, люди не только не могли ничего спасти изъ своего домашняго скарба, но многіе не успѣли выскочить изъ домовъ, а нѣкоторые, даже выбѣжавъ на улицу, падали тамъ, задыхаясь отъ дыма, и сгорали.

Въ Большую Кандалу мы прибыли часамъ къ девяти вечера и подъѣхали прямо къ дому священника. Тамъ мы едва достучались и, если бы знали, что батюшкѣ пришлось встать съ постели для того, чтобы принять насъ, то отложили-бы свое посѣщеніе до слѣдующаго утра. Но, какъ-бы то ни было, священникъ принялъ насъ очень ласково, шутя обозвалъ полунощниками, напоилъ чаемъ съ душистымъ, свѣжимъ медомъ и посовѣтовалъ отложить всѣ дѣла до утра, а теперь лечь спать и отдохнуть съ дороги. Намъ, однако, не удалось исполнить батюшкинъ совѣтъ. Какъ только мы водворились на взъѣзжей, къ намъ началъ идти народъ съ требованіями навѣстить больныхъ. Мы, конечно, тотчасъ пошли; всѣ тѣ больные, которыхъ я увидѣла, были въ агоніи: одна старуха даже при мнѣ и умерла. Мы вернулись часовъ въ шесть утра и легли отдохнуть часа на два, послѣ чего принялись за лѣченье амбулаторныхъ больныхъ, которыхъ уже нѣсколько десятковъ сидѣло на крыльцѣ и подъ окнами взъѣзжей. Отпустивъ ихъ, мы снова отправились къ тѣмъ больнымъ, которые были слишкомъ слабы, чтобы придти къ намъ.

Въ это утро батюшка навѣстилъ насъ и сообщилъ, что про-

тивъ насъ происходитъ „бунтъ на задворкахъ“, какъ онъ выразился: „мужики галдятъ, стучатъ батогами по землѣ и хотятъ требовать вашего отъѣзда“... „Но я съ ними по своему поговорилъ“, прибавилъ онъ: „они здѣсь у насъ народъ не худой и дѣло обойдется... А вы работайте себѣ, какъ вамъ совѣсть велитъ, и въ усъ не дуйте... Напуганы они очень болѣзнью... Вчера у меня въ церкви четырнадцать гробовъ было... Ну, сегодня будетъ не болѣе четырехъ или пяти...“

Мы такъ и поступили, и все обошлось даже лучше, чѣмъ мы могли ожидать.

Въ этотъ день мнѣ пришлось чуть не поссориться съ Ильею Александровичемъ. Амбулаторныхъ больныхъ онъ принималъ толково, но, будучи всего студентомъ четвертаго курса, иногда затруднялся въ діагнозахъ: „за деревьями лѣса не видѣлъ“, терялся въ массѣ симптомовъ и выискивалъ самые рѣдкіе и поразительные недуги у нашихъ паціентовъ. Нѣсколькихъ указаній, однако, было достаточно, чтобы направить его „на путь истины“; къ своему дѣлу онъ относился вполнѣ добросовѣстно.

Но вотъ амбулаторный пріемъ кончился. Илья Александровичъ со вздохомъ облегченія отправился за перегородку, гдѣ онъ помѣщался. Усѣвшись за столъ „ganzgemüthlich“, онъ принялся на̀чисто переписывать въ особенную тетрадку имена своихъ больныхъ, діагнозы и назначенія; дверь его была открыта и я, проходя мимо, увидѣла, чѣмъ занимается сту̀дентъ.

— Время теряете понапрасну,—замѣтила я.

— То есть, какъ это понапрасну?—удивленно спросилъ онъ.

— А такъ; неужели вы думаете, что у насъ хватитъ досуга, чтобы вести бѣловые журналы о тѣхъ больныхъ, у кого „подъ сердцемъ сосетъ“, или „въ ушахъ шумитъ“, или „двадцать лѣтъ ноги ломитъ“, или „глаза застилаетъ“... и тому подобное...

— Я иначе работать не умѣю,—сухо отвѣтилъ Илья Александровичъ.

— Выучитесь. Впрочемъ, вольному воля,—сказала я,—пишите что и какъ хотите, только-бы больные отъ этого ничего не потеряли...

Намъ дали обѣдать. Нашими обѣдами распоряжалась по своему усмотрѣнію Аннушка; когда-же ей было некогда, то мы обходились безъ обѣда и только пили чай и ѣли яйца, которыя варили въ самоварѣ; иногда мы заказывали хозяйкамъ квартиръ сварить каши или картофеля.

Пока мы обѣдали, набралось еще нѣсколько требованій къ больнымъ. Деревня была очень большая и дѣлилась на двѣ части протекавшею посреди нея рѣчкою Кандалкою. Мы уговорились съ Ильею Александровичемъ, что онъ возьметъ на себя посѣщенія въ болѣе далекой, хотя и меньшей зарѣчной части деревни,—мы-же съ Анной Михайловной будемъ подавать помощь ближе

къ дому. Больныхъ, желавшихъ лѣчиться у себя на дому, оказалось столько, что мы не успѣвали ходить къ нимъ пѣшкомъ, и потому около нашей избы поставили двѣ запряженныя телѣги, чтобы возить насъ по деревнѣ; онѣ потомъ постоянно находились тамъ день и ночь.

Въ тотъ день, о которомъ я теперь говорю, мы только что, повидимому, отдѣлались отъ работы и легли спать во второмъ часу ночи, какъ послышался стукъ въ окно и зовъ: „Сестрицы, пожалуйте къ больному.“

Я встала, одѣлась и заявила Аннушкѣ, что возьму ее съ собою.

Вдругъ опять стукъ въ окно: „пожалуйте, сестрица, еще къ больному“.

Оказалось, что второй больной живетъ за рѣкой. Я постучала въ стѣнку къ Ильѣ Александровичу, говоря, что его требуютъ къ холерному.

— Я не могу, я усталъ,—отвѣчалъ онъ.

— Мало-ли что устали,—сказала я:—нужно вставать и отправляться!

— Я такъ работать не могу,—на половину жалобно огрызнулся Илья Александровичъ.

— А, не можете! Это, конечно, другое дѣло. Но такъ какъ имѣется два требованія и такъ какъ я ихъ оба одновременно исполнить не могу, то одному больному, очевидно, придется ждать и, можетъ быть, умереть отъ несвоевременной подачи помощи... А вы... какъ хотите, Илья Александровичъ!.. Спите послѣ этого, если можете!..

Илья Александровичъ молча всталъ, одѣлся и отправился къ больному.

На другой день, на досугѣ, я сказала ему, чтобы разъ навсегда покончить съ такими недоразумѣніями:

— Если вамъ, Илья Александровичъ, трудно такъ работать, какъ работаемъ всѣ мы, то лучше возвращайтесь въ Самару и объясните тамъ свой отъѣздъ изъ отряда, какъ вамъ будетъ удобнѣе—я вашу мотивировку опровергать не буду... Но знайте, что то̀, что я сегодня требовала отъ васъ, то буду требовать и завтра. Если позовутъ къ одному больному, то пойду я; если одновременно будетъ другое приглашеніе, то пойдете вы, а не Анна Михайловна, которая не врачъ и вдобавокъ физически слабѣе насъ съ вами.

— Извините меня, я вчера очень усталъ,—сказалъ Илья Александровичъ:—больше отказовъ съ моей стороны не будетъ.

Этимъ ограничилась единственная размолвка наша съ Ильей Александровичемъ. Отношенія наши сложились потомъ такъ хорошо, что крестьянки постоянно спрашивали, не сынъ ли онъ мой.

Амбулаторные больные одолѣвали насъ. Начиная съ шести часовъ утра, они толпились у насъ подъ окнами и на крыльцѣ

и мало-по-малу наполняли избу. Мы только не умывались и не одѣвались на народѣ, но чай, обѣдъ, писанье отчетовъ, писемъ и приготовленье лѣкарствъ—все это дѣлалось при цѣлой толпѣ, иногда мѣшавшей повернуться въ комнатѣ. Словоохотливость деревенскихъ бабъ страшно надоѣдала и утомляла. И чего онѣ, бывало, не наговорятъ; любопытству ихъ конца не было. Однажды пристала ко мнѣ баба съ просьбою сказать ей: „не переодѣтые-ли мы мужики"?

— Похожа я на мужика?—спросила я ее.

— Нѣтъ, какъ будто и совсѣмъ на бабу помахнешь...—отвѣчала она.

— А сестра Анна Михайловна на мужика похожа?

— Нѣтъ, нѣтъ,—засмѣялась баба, взглянувъ на изящную, хрупкую и хорошенькую сестричку.

— Ну вотъ, тетка, зачѣмъ же глупости говорить! Илья Александровичъ, напримѣръ, мужчина, такъ онъ мужское платье и носитъ, —а мы бабы, такъ по-бабьи и одѣваемся.

— Такъ, такъ,—говорила баба и принялась меня дальше допрашивать:—а мужъ тебя есть?

— Есть.

— И дѣтки есть?

— Дѣти мои умерли.

— Ахъ ты, желанная!—качая головою, соболѣзновала баба, и тутъ мы уже становились искренними пріятельницами.

Одна баба, которой мы ежедневно перевязывали порѣзанную ногу, предложила мнѣ слѣдующій вопросъ:

— А правда-ли, родименькіе, что вы всѣ душегубцы-каторжники, и сидѣли вы за погубленныя христіанскія души по тюрьмамъ-острогамъ, и царь васъ простилъ за то, что вы взялись за холерными ходить.

Дня черезъ три послѣ нашего пріѣзда въ Большую Кандалу къ намъ изъ Самары явились двѣ сестры милосердія на манеръ Раисы и служитель, николаевскій ветеранъ,—Иванъ Григорьевичъ Верзиловъ, вся грудь котораго была увѣшана медалями и крестами. Ему было далеко за шестьдесятъ лѣтъ, но онъ былъ крѣпокъ и бодръ; черные глаза его смотрѣли браво, умно и чуть-чуть строго, около же рта была добродушная складка, отчасти скрытая усами и бородой, которые такъ же, какъ и шапка еще кудрявящихся черныхъ волосъ, были едва подернуты просѣдью.

Одна изъ сестеръ милосердія была высокая худощавая, довольно развязная особа, съ угловатыми манерами и съ нѣкоторой претензіей на элегантность въ потрепанномъ нарядѣ; волосы у нея были темно-русые, лицо сѣрое и очень простое, съ выдающимися скулами; глаза черные и довольно красивые.

Вторая сестра была маленькая прехорошенькая блондинка, съ глазами цвѣта незабудокъ, съ густыми пепельными волосами,

свѣжимъ, бѣлымъ и румянымъ личикомъ и стройненькой фигуркой.

Брюнетку звали Аграфеной Петровной, блондинку—Марьей Васильевной.

Проученная Раисой, я рѣшила нѣсколько проэкзаменовать моихъ новыхъ сотрудницъ раньше, чѣмъ пустить ихъ на работу; поэтому, давъ имъ поѣсть и отдохнуть съ дороги, я разспросила ихъ, кто онѣ такія и что онѣ знаютъ, какъ вообще, такъ и по уходу за холерными больными.

Обѣ были по своему званію самарскія мѣщанки и умѣли читать и писать довольно порядочно. Аграфена Петровна прослушала годовой курсъ фельдшерской школы въ Самарѣ, но почему-то не кончила своего обученія. Она отвѣчала на мои вопросы вполнѣ удовлетворительно. По акушерству она сдавала экзаменъ изъ полнаго курса. Поѣхала она на эпидемію, чтобы заработать денегъ—какъ взялась-бы за всякій другой трудъ.— Марья Васильевна была старшей дочерью очень бѣдной женщины; она хотѣла своимъ заработкомъ помочь матери, не знавшей, какъ и чѣмъ прокормить остальныхъ маленькихъ дѣтей своихъ.

Когда я спросила Машеньку, чему учили слушательницъ на двухъ-недѣльныхъ курсахъ, она отвѣчала:

— Всему.

— То есть, какъ это—всему?

— Да всему, что нужно, чтобы умѣть ходить за холерными больными; я и экзаменъ держала и получила: „удовлетворительно“.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь,—сказала я,—но вотъ что: скажите мнѣ, что вы будете дѣлать, если останетесь одна въ деревнѣ и къ вамъ придетъ больной, говоря, что ему не по себѣ, и что онъ боится, не было-бы у него холеры?

— Я дамъ ему пятнадцать эфирно-валерьяновыхъ капель!— храбро отвѣчала Машенька.

— А если бы у него были рвота и поносъ?

— Я дамъ ему двадцать-пять эфирно-валерьяновыхъ капель,— нѣсколько менѣе увѣренно продолжала Машенька.

— А если бы васъ позвали къ больному, у котораго холерныя судороги, синюха и тому подобное?

— Я-бы дала ему тридцать эфирно-валерьяновыхъ капель,— запинаясь и смущенно проговорила дѣвушка.

— Но, другъ мой, вѣдь вы ровно ничего не знаете,—сказала я, не то сердясь, не то смѣясь:—ну что я съ вами теперь буду дѣлать?

Но у Машеньки уже одна за другой быстро-быстро бѣжали по щекамъ крупныя дѣтскія слезы...—И вправду, ничего не помню и не знаю!.. А вѣдь, кажется, на всѣ вопросы отвѣчала— теперь же все позабыла... Вотъ что, госпожа докторша: отошлите-ка вы меня, дуру, въ Самару, вѣдь мнѣ тридцать рублей пла-

тятъ... Какія деньги-то! За нихъ знающаго человѣка пригласить можно... а я вѣдь даромъ буду брать ихъ...

— Э, нѣтъ,—отвѣчала я,—во всякомъ случаѣ, вы честная душа, а такихъ-то намъ и надо... Я васъ ни за что въ Самару не отпущу, славная вы дѣвочка! Вы будете находиться при мнѣ и я постараюсь васъ какъ можно скорѣе научить тому, что необходимо знать... Я вполнѣ увѣрена, что вы будете прекрасною сестрой милосердія.

По хорошенькому личику Машеньки точно лучъ солнца скользнулъ; она осушила глаза, бросилась ко мнѣ на шею и обѣщала такъ стараться, такъ стараться, что я, наконецъ, останусь ею довольна.

Я Машеньку такъ потомъ всюду съ собой и возила. Научилась она очень не многому, такъ что получила у насъ въ отрядѣ прозваніе „хорошенькаго балластика". Но услужлива она была до невѣроятности. Скажешь, бывало:—Машенька, принесите дистиллированную воду... и она уже летитъ точно на крыльяхъ съ бутылью сулемоваго раствора въ рукахъ и льетъ его въ стаканъ... недоумѣвая при моемъ возгласѣ ужаса... Пришлось мнѣ помимо этикетовъ на бутыляхъ съ названіями дезинфекціонныхъ жидкостей и надписями „наружное—ядъ," еще обвязать красными тесемками горлышки бутылей и настоять на томъ, чтобы онѣ всегда помѣщались въ совершенно отдѣльномъ и опредѣленномъ углу.

Илья Александровичъ какъ-то поручилъ Машенькѣ намазать мазью отъ ожога обваренную кипяткомъ руку маленькаго мальчика; она натерла ее летучей мазью; неистовый крикъ ребенка привлекъ вниманіе остальныхъ на дѣла „хорошенькаго балластика".—Она же густо обмазала ртутной мазью голову грудного ребенка, не понявъ, что Анна Михайловна говорила ей о цинковой мази; она хотѣла такъ и отпустить его домой, когда это замѣтили. Тогда я уже очень настойчиво попросила какъ Илью Александровича, такъ и Анну Михайловну предоставить Машеньку мнѣ одной, говоря, что я сумѣю извлечь изъ нея ту пользу, которую она можетъ принести. Машеньку пріурочили къ растиранью холерныхъ и обкладыванью ихъ горячими припарками. И стала она растирать ихъ такъ усердно, что потъ съ нея градомъ катился, а у больныхъ быстро согрѣвались окоченѣлые члены. Намъ были даны всякія суконки и рукавицы, но я ихъ отбросила, такъ какъ санитары и санитарки руковицами прямо сдирали кожу съ больныхъ. Я сама живыми, теплыми руками растирала больныхъ и другихъ учила тому же.

Съ Аграфеной Петровной тоже была возня, но совсѣмъ въ другомъ родѣ. Пришлось мнѣ куда-то отлучиться изъ Большой Кандалы, и когда я вернулась, меня встрѣтили очень непріятными разсказами о томъ, что Аграфена Петровна завела флиртъ

съ сыномъ кабатчика, переписывается съ нимъ и назначаетъ ему свиданія. Съ Ильей Александровичемъ она также держала себя совсѣмъ невозможнымъ образомъ.

— Илья Александровичъ,—пѣвучимъ голоскомъ тянула она:— и чего это вы никогда не купите намъ гостинца?

— Агриппинъ,—возражалъ Илья Александровичъ:—я нэ привикъ къ такія отношенія съ молодой дѣвицы.

— Ахъ, какой вы критиканъ! И что я вамъ за Агрипинъ далась... Коверкаете мое имя!

— Ну, Грушъ,—конфузился Илья Александровичъ:—ви нэ хорошо сэбя дэржитэ! Подумайте, что скажетъ докторша...

— Ахъ ты, Господи! ужъ нельзя и объ гостинцахъ сказать... Скупой вы, вотъ что!

Но Илья Александровичъ отходилъ отъ зла и соблазна и затворялся въ своемъ помѣщеніи.

Надъ просьбами о гостинцахъ я посмѣялась, но что касается любовной переписки съ сыномъ кабатчика, то я погрозила Грушѣ тотчасъ отослать ее въ Самару, если что-нибудь подобное повторится. Кромѣ того, я при первой возможности отослала легкомысленную дѣвушку въ Архангельскіе Озерки къ Павлѣ Николаевнѣ Ш. Аграфена Петровна со слезами обѣщала мнѣ не дѣлать больше вздору и сдержала свое слово: она работала хорошо и населеніе вездѣ было ею довольно, такъ что я могла дать о ней похвальный отзывъ въ управу, когда она при окончаніи срока своей службы вернулась домой.

Но за то моимъ добрымъ старикомъ, Иваномъ Григорьевичемъ Верзиловымъ, я не могла нахвалиться. Пріученный къ военной дисциплинѣ, онъ и на свою службу земству смотрѣлъ въ высшей степени серьозно; онъ былъ исполнителенъ, неутомимъ, не смотря на свои шестьдесятъ пять лѣтъ, точенъ, честенъ, а меня звалъ не иначе, какъ: „ваше высокоблагородіе“ и, говоря со мною, дѣлалъ рукою подъ козырекъ, что меня всегда смѣшило, хотя я ему въ этомъ не подавала виду. Я говорила ему:— Иванъ Григорьевичъ и „вы“, что его въ высшей степени трогало, но нисколько не ослабляло въ немъ чувства дисциплины. Съ пріѣздомъ Ивана Григорьевича мѣстный урядникъ, Сопляковъ, изъ унтеръ-офицеровъ, какъ и Верзиловъ, также сталъ величать меня „высокоблагородіемъ“ и отдавать мнѣ честь, что вызвало въ крестьянахъ необкновенный решпектъ ко мнѣ. Упомяну здѣсь о томъ, что этотъ урядникъ очень много помогалъ намъ, не только въ качествѣ полицейскаго чина наблюдая за порядкомъ, но прямо, какъ добрый человѣкъ, пособлялъ разносить лѣкарства и пищу, оттирать больныхъ и т. д. Не знаю, дали-ли ему какуюнибудь награду за эти труды; что касается меня, то я послала его начальнику самый лучшій отзывъ о немъ.

Былъ у меня и еще одинъ помощникъ въ Панскомъ Потр

скинѣ—именно содержатель земской почтовой станціи, старикъ Скворцовъ. Какъ только кто-нибудь заболѣвалъ въ Потряскинѣ, Скворцовъ—давно предоставившій ямщичью ѣзду своимъ взрослымъ сыновьямъ — приказывалъ заложить лучшую тройку въ самую легкую плетенку-тарантасъ, выпивалъ сороковку для куража, садился самъ на козлы и мчался за мною. Двѣнадцать верстъ отъ Потряскина до Кандалы онъ проѣзжалъ въ полчаса, лихо подкатывалъ къ взъѣзжей и объявлялъ, что пріѣхалъ за мной; я тотчасъ садилась въ экипажъ, взявъ съ собою Ивана Григорьича—если дѣло шло о мужчинѣ, или Аннушку, если заболѣвала женщина—и мы опять въ полчаса отмахивали разстояніе отъ Кандалы до Потряскина. Это была бѣшеная гоньба, которая возможна только въ надежномъ тарантасѣ съ такимъ художникомъ-кучеромъ, какъ Скворцовъ, по гладкой мягкой степи и при сѣдокѣ такомъ, какъ я, то есть человѣкѣ, отдавшемся на волю Божью—будь, что будетъ!

И странное дѣло: ни такая ѣзда, ни безсонныя ночи, ни скудная пища, ни почти непосильный трудъ, ни гнетущая забота о больныхъ и о томъ, чтобы ничего не случилось съ отрядомъ, ни громадная отвѣтственность за принятое на себя дѣло передъ людьми и своею совѣстью не надломили меня. Изъ командировки я вернулась гораздо здоровѣе, бодрѣе и жизнерадостнѣе, чѣмъ поѣхала туда.

Однажды Скворцовъ, пріѣхавъ за мною для подачи помощи пятилѣтнему мальчику, заявилъ мнѣ, что онъ уже далъ ему до отъѣзда изъ Потряскина пять капель эфирной валерьяны и велѣлъ положить ему теплыхъ припарокъ на животъ. Когда я пріѣхала, мальчикъ былъ весь въ поту и спокойно спалъ: поносъ его прекратился; мать въ ноги повалилась Скворцову, благодаря его за спасеніе сына.

Скворцовъ и гордился, и радовался спасенію своего паціента, и началъ просить меня дать ему еще кое-какихъ лѣкарствъ отъ холеры, говоря, что онъ отчасти знаетъ, какъ употреблять ихъ, хотя проситъ дальнѣйшихъ наставленій.

— Я знаю,—говорилъ онъ: Иноземцева капли, Боткина капли, мятныя и валерьяновыя, а также висмутъ, и въ какихъ количествахъ давать ихъ дѣтямъ и взрослымъ.

— Откуда вы это знаете?—спросила я.

— Да вѣдь, матушка, ваше высокоблагородіе, я съ весны все съ докторами вожусь... вотъ все ихъ и разспрашивалъ и по больнымъ съ ними ходилъ, и запомнилъ...

Я шутя начала его экзаменовать—онъ дѣйствительно запомнилъ то, что говорили ему врачи, и отвѣчалъ въ высшей степени толково. Я дала ему кое-какихъ лѣкарствъ, кое-что разсказала ему и впослѣдствіи не раскаялась; онъ, во всякомъ случаѣ, былъ толковѣе не только Машеньки, но и Раисы.

Въ Потряскинѣ, вообще, при мнѣ не было особенно трудныхъ случаевъ, за исключеніемъ одного, о которомъ я здѣсь и разскажу.

Скворцовъ однажды привезъ меня къ четырнадцатилѣтнему мальчику, находившемуся въ алгидномъ періодѣ: кожа его была совсѣмъ блѣдная, мертвенная и холодная—холоднѣе мрамора; приложите руку къ мрамору и ваша живая теплота передастся ему, онъ начнетъ нагрѣваться; приложите руку къ кожѣ холернаго и вы почувствуете, что руки ваши не нагрѣваются, а начинаетъ стынуть до того, что васъ беретъ дрожь, вамъ кажется, что холодъ проникаетъ вамъ до сердца—по крайней мѣрѣ, такъ всегда было со мною. Мальчикъ, о которомъ я говорю, былъ именно такъ мертвенно холоденъ. Глаза его глубоко ввалились, вокругъ нихъ образовалась широкая темная кайма, голосъ его пропалъ: онъ могъ говорить только шопотомъ и то съ трудомъ, пульсъ не прощупывался. Пока я давала ему лѣкарства и обкладывала его горячими бутылками и припарками, онъ все благодарилъ меня своимъ сиплымъ, стоившимъ ему неимовѣрнаго труда шопотомъ. Со мною при больномъ мальчикѣ находился Иванъ Григорьевичъ; потомъ явился еще потряскинскій фельдшеръ. Сдѣлавъ для больного все, что я могла, и найдя, что у него помимо желудочно-кишечныхъ явленій имѣется еще довольно сильный холерный нефритъ, я приказала согрѣвать и растирать больного, а въ область почекъ втереть ему около драхмы ртутной мази, что вмѣстѣ съ согрѣвающимъ компрессомъ всегда въ такихъ случаяхъ приносило несомнѣнную пользу. Мы, вообще, на ночь клали больнымъ согрѣвающіе компрессы и обкладывали ихъ бутылками съ кипяткомъ, когда нужно было дать отдохнуть переутомленному санитарному персоналу. Днемъ я предпочитала, чтобы сидѣлки и служителя не отходили отъ больныхъ и завертывали ихъ въ тканыя изъ ситцевыхъ тряпокъ одѣяла, намоченныя въ горячей водѣ: ими можно было вполнѣ закутать больного, чѣмъ достигалось лучшее нагрѣваніе всего тѣла. Не знаю упомянула-ли я на этотъ разъ Ивану Григорьичу спеціально о согрѣвающемъ компрессѣ на ночь на область почекъ, но знаю, что, отправляясь къ другимъ больнымъ и домой, въ Кандалу, я сказала старику: „смотрите хорошенько за мальчикомъ, не давайте ему остывать, и чтобы завтра утромъ онъ былъ живъ и начиналъ поправляться!.. Если будете усердно исполнять все, что нужно, то онъ поправится“.

На слѣдующее утро, чѣмъ свѣтъ, примчался за мной Скворцовъ.

— Живъ мальчикъ?—спросила я.

— Живъ былъ, когда я уѣзжалъ, и, кажется, ему было лучше.

Мы подкатили прямо къ избѣ больного. На крыльцѣ Иванъ Григорьичъ встрѣтилъ меня, дѣлая подъ козырекъ, и отрапортовалъ:

— По приказу вашего высокоблагородія больной живъ и поправляется!

Было совершенно справедливо, что мальчикъ поправляется. Онъ былъ уже не такъ блѣденъ и холоденъ, какъ вчера; пульсъ бился хотя слабо, но ясно, голосъ отчасти вернулся, желудочно-кишечное разстройство утихло и нефритъ начиналъ поддаваться лѣченью.

— Втирали сѣрую мазь?—спросила я.

— Втиралъ-съ! Только взялъ маленько побольше да, вопреки приказу вашего высокоблагородія согрѣвающій положилъ на ночь.

— Какъ это вопреки моему приказу? Вѣдь я всегда велю въ такихъ случаяхъ класть компрессъ.

— На этотъ разъ ваше высокоблагородіе не изволили приказать, но я вопреки приказу положилъ—виноватъ!

Послѣ этого Иванъ Григорьичъ сталъ считать своею спеціальностью лѣченіе холерныхъ нефритовъ и пріобрѣлъ глубокое уваженіе Авдотьи и Аннушки за то, что сдѣлался спеціалистомъ, при чемъ въ высшей степени гордился этимъ.

Мальчикъ скоро совсѣмъ поправился. Онъ былъ въ школѣ чуть-ли не первымъ ученикомъ. Нѣсколько разъ потомъ, пріѣзжая въ Потряскино и проходя мимо его избы, я видѣла у окна его блѣдное личико, наклоненное надъ книжкой, даже въ то еще время, когда онъ, по слабости, не могъ выходить изъ избы на улицу.

X.

Снова въ Большой Кандалѣ.

Изъ Большой Кандалы мнѣ пришлось уѣхать на нѣсколько дней въ Войкино и Рузаново. Назадъ я вернулась чрезъ Старую Майну.

Хозяйка взъѣзжей въ Старой Майнѣ приняла меня очень неласково и все время, говоря со мною, закрывала ротъ и носъ платкомъ. Она боялась дышать тѣмъ воздухомъ, который обвѣвалъ меня. Въ началѣ эпидеміи, когда мы пріѣзжали куда-нибудь въ деревню, бабы не иначе говорили съ нами. Мы могли замѣтить, что пріобрѣтаемъ довѣріе по тому, закрываются-ли отъ насъ или нѣтъ. Подъ конецъ эпидеміи вообще вездѣ перестали закрываться.

Я съѣздила къ земскому начальнику г. А. и онъ вмѣстѣ со мной проѣхалъ въ Красную Рѣку, находя, что на мѣстѣ лучше убѣдиться въ справедливости дошедшихъ до меня слуховъ о новомъ взрывѣ эпидеміи; какъ и слѣдовало ожидать, ничего въ Красной Рѣкѣ не было. Изъ Красной Рѣки г. Л. проѣхалъ со мною въ Большую Кандалу; я просила его объ этомъ, желая похвалиться добрымъ отношеніемъ къ нашему отряду того са-

маго населенія, которое было вначалѣ такъ враждебно настроено противъ докторовъ.

Всѣ наши были дома и пили чай, когда мы пріѣхали. Оказалось, что новыхъ заболѣваній нѣтъ, а старые больные всѣ быстро поправляются. Пока намъ ставили самоваръ и приготовляли яичницу, мы съ г. Л. пошли по деревнѣ. Меня вездѣ встрѣчали ласково и съ улыбками. Забывъ всякіе чаи, мы проходили часа два съ лишнимъ. Женщины подходили поздороваться и цѣловались со мной. Одна молоденькая дѣвушка подбѣжала къ намъ, обняла меня и, суя мнѣ въ руки два яйца, сказала: „я за тобой съ версту бѣжала въ лѣсу, какъ вы теперь ѣхали,—я думала, ты совсѣмъ уѣзжаешь и хотѣла съ тобою проститься“. Вспомнилось мнѣ, какъ хворала эта дѣвушка: ихъ было двѣ сестры, дочери бѣдной вдовы. Вся эта семья производила очень пріятное впечатлѣніе своею опрятностью и порядочностью среди всеобщей грязи и неряшливости. У нихъ одновременно заболѣли мать и обѣ дочери; мы съ Аннушкой болѣе сутокъ дежурили около нихъ. Мать была очень слаба, вторая сестра страдала бурными припадками холеры, а моя пріятельница въ промежуткахъ между припадками судорогъ и рвоты помогала намъ ухаживать за матерью и сестрой, пока не впала въ алгидный періодъ и не превратилась сама въ неподвижное и изсиня-блѣдное подобіе прежней румяной деревенской красавицы. Я никакъ не думала, что эти женщины останутся живы,—однако, онѣ поправились, благодаря общему хорошему состоянію своего организма, которымъ онѣ были обязаны правильному образу жизни и опрятности.

Мы заходили съ г. Л. и въ избы, между прочимъ, къ одному крестьянину, который, также какъ и его жена, теперь поправлялся отъ холеры. Дней за десять до этого хворала ихъ девятилѣтняя дочка, они аккуратно давали ей назначенныя мною лѣкарства; она поправилась. Когда захворали родители, они не захотѣли принимать тѣхъ же лѣкарствъ, боясь, чтобы для нихъ „не вышелъ бы изъ этого вредъ какой“. Насилу уговорили мы ихъ лѣчиться.

Походивъ по деревнѣ съ г. Л., мы вернулись на взъѣзжую и съ аппетитомъ принялись за чай. Персоналъ нашъ собирался на вечерній обходъ больныхъ, кое-кто уже и ушелъ, когда я замѣтила, что народъ начинаетъ собираться на улицѣ передъ взъѣзжей, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, такъ что, наконецъ, была запружена вся улица. Въ это время хозяинъ взъѣзжей вошелъ къ намъ и, обращаясь къ г. Л., сказалъ:

— Ваше высокородіе, васъ мужики требуютъ.

У меня судорожно забилось сердце и вдругъ остановилось, чтобы черезъ минуту забиться съ новой силой. Что тамъ еще? Мы находимся здѣсь въ такихъ условіяхъ, что возможны всякія

неожиданности. Крыльцо взъѣзжей, на которое вышелъ г. Л., было довольно далеко отъ нашего помѣщенія и мнѣ не было слышно то, что тамъ говорилось. До меня по временамъ доносился только гулъ, точно ропотъ морской волны. Опять вошелъ хозяинъ и сказалъ мнѣ:

— Мужики и васъ требуютъ.

Я совсѣмъ заволновалась, но, однако, съ наружнымъ спокойствіемъ вышла на крыльцо. По всей толпѣ прошелъ непонятный мнѣ тихій говоръ, всѣ сняли шапки и поклонились: „Ну, старики,—сказалъ земскій начальникъ,—говорите, что вамъ нужно“.

Я стояла смущенная и недоумѣвающая, ожидая, что дальше будетъ. Какой-то бѣлый, какъ лунь, благообразный старикъ, низко кланяясь, обратился ко мнѣ:

— Мы слышали, что ты, коренная сестрица, уѣзжаешь отъ насъ, вотъ мы и пришли всѣмъ міромъ просить тебя еще хоть на недѣльку остаться у насъ—и благодаримъ тебя тоже всѣмъ міромъ за то, что вы для насъ трудитесь.

Когда я теперь пишу это, у меня на глазахъ навертываются слезы. Судите же, что было тогда. Я чувствовала, что если хоть слово скажу, то зарыдаю—отъ неожиданной радости, что, наконецъ, наконецъ-таки хоть въ одномъ мѣстѣ поняли, что мы не зло несемъ съ собою... Но въ то же время въ головѣ мелькало: вотъ сегодня такъ, а завтра, можетъ быть, будетъ и совсѣмъ иное! Г. Л. за меня отвѣтилъ согласіемъ на просьбу крестьянъ.

— Слышали мы также, что вы въ Малую Кандалу собираетесь,—продолжалъ старикъ,—такъ мы васъ туда не пускаемъ; намъ васъ жалко: тамъ все разбойники старовѣры живутъ,— пустить въ васъ иной изъ-за угла кирпичиной, или ночью дубиной пришибетъ, а мы этого не желаемъ...

Но я тутъ уже оправилась и прервала его: „Да вѣдь нужно же туда съѣздить, дѣдушка, узнать—есть тамъ холера, какъ разсказываютъ, или нѣтъ“.

— Мы сами для васъ это разузнаемъ, а ты пиши къ священнику письмо: онъ у нихъ тамъ всѣмъ верховодитъ, даромъ, что не старовѣръ,—онъ человѣкъ умный, толкомъ и тебѣ отвѣтитъ, а мы письмо спосылаемъ и въ тотъ же день отвѣтъ тебѣ будетъ.

Мы еще остались на нѣсколько дней въ Большой Кандалѣ и письмо къ священнику въ Малую Кандалу я написала. Нужно сказать, что я уже раньше писала къ мало-кандалинскому священнику, предлагая свои услуги въ случаѣ нужды, но онъ отвѣчалъ мнѣ сухимъ отказомъ, объясняя, что самъ умѣетъ справляться съ холерными больными. Я сообщила объ этомъ доктору П., который написалъ священнику письмо, указывая ему на то, что въ случаѣ усиленія эпидеміи въ Малой Кандалѣ и при его отказѣ отъ медицинской помощи для населенія, онъ одинъ будетъ отвѣтственъ и передъ Богомъ, и передъ людьми въ гибели

умершихъ отъ холеры. На теперешнее письмо мое священникъ вѣжливо отвѣтилъ, что въ Малой Кандалѣ послѣ двухъ-трехъ случаемъ холеры еще въ іюлѣ ничего больше не было; онъ прибавлялъ, что проситъ меня дать ему письменное наставленіе, какъ лѣчить дѣтскіе лѣтніе поносы—хотя учебники у него есть, но этого ему недостаточно. Я отвѣтила, что не сумѣю ему заглазно сказать ничего болѣе того, что есть въ учебникахъ, но что если кому медицинская помощь будетъ нужна, то я могу и сама пріѣхать, и прислать кого-нибудь изъ отряда. На этомъ наша переписка покончилась, и насъ никто и ни по какому поводу въ Малую Кандалу не потребовалъ.

Я разсказала объ этомъ нашему доброму больше-кандалинскому священнику, у котораго мы теперь часто бывали—онъ всегда ласково принималъ своихъ „полунощниковъ". Батюшка разсмѣялся и отвѣтилъ: „Да, упрямый человѣкъ. Я вамъ теперь скажу, что̀ онъ со мною сдѣлалъ: появилась у насъ эта холера сразу, но у меня уже была гораздо раньше запасная аптечка, и я сталъ съ Божіею помощью давать лѣкарства заболѣвающимъ—по печатному наставленію. Ужъ не знаю, помогало ли лѣченіе, или нѣтъ, а дѣлалъ по совѣсти и по своему разумѣнію. И вдругъ получаю письмо отъ мало-кандалинскаго священника, гдѣ онъ усовѣщиваетъ меня и слезно проситъ пожалѣть ввѣренную мнѣ Богомъ паству, бросить безполезныя капли и обратиться къ „баклановкѣ", какъ къ вѣрнѣйшему средству отъ холеры. Въ то же время, онъ расклеилъ по всѣмъ деревнямъ объявленія, и у меня въ Большой Кандалѣ тоже, гдѣ говорилось, что въ случаѣ кто заболѣетъ, то пусть обращается къ нему за лѣкарствомъ.

„Прочелъ я его письмо и задумался. Можетъ быть, я и въ самомъ дѣлѣ грѣшенъ небреженіемъ... совѣстно стало мнѣ: вотъ есть вѣрное лѣкарство, а я не зналъ о немъ, не поинтересовался справиться о новыхъ средствахъ. Тотчасъ послалъ я въ Старую Майну въ аптеку за этой баклановкой, пятьдесятъ копѣекъ бутылка стоитъ. Самъ попробовалъ ее сначала: глаза у меня отъ нея чуть на лобъ не выскочили, но, думаю, вѣдь я здоровъ, а холерному больному, можетъ быть, это и нужно. А ее рюмками да полчашками давать слѣдуетъ—сказано, что и больше можно. Въ тотъ же день зовутъ меня къ холерному больному—я сейчасъ ему рюмку баклановки—умеръ больной. Зовутъ меня ко второму—я и ему рюмку баклановки—и этотъ померъ. Нѣтъ, думаю, баста!... А тутъ и вы пріѣхали, и съ какой радостью передалъ я вамъ тогда свою аптечку и больныхъ—я и сказать не умѣю".

Въ Большой Кандалѣ мнѣ теперь, въ сущности, уже нечего было дѣлать, и я совсѣмъ собралась распроститься съ нею, когда къ намъ пріѣхалъ студентъ Ив—скій, товарищъ С—скаго, того самаго, который въ день моего дежурства въ самарскомъ госпи-

талѣ пилъ со мною чай и изводилъ статскаго совѣтника. Мы весело и радушно приняли Ив—скаго, который былъ командированъ, чтобы собрать свѣдѣнія о движеніи эпидеміи въ уѣздѣ. „Какъ вы весело работаете!"—заявилъ онъ, видя наши жизнерадостныя лица. Мы отвѣтили ему, что намъ дѣйствительно весело: холера въ Большой Кандалѣ прекратилась, отношенія съ крестьянами у насъ хорошія, и намъ послѣ мрачныхъ картинъ, видѣнныхъ въ началѣ командировки, кажется теперь, что все прекрасно въ лучшемъ изъ міровъ!

Угостивъ Ив—скаго, чѣмъ Богъ послалъ, я стала разспрашивать его о томъ, что дѣлается въ уѣздѣ.

— Почти вездѣ эпидемія окончилась,—отвѣтилъ онъ—и часть медицинскаго персонала уже отозвана.

— А что статскій совѣтникъ?—спросила я.

— Все время выуживалъ дохлыхъ собакъ изъ рѣчки Самарки, придумывалъ составы для истребленія мухъ, да сплетничалъ и доносилъ на студентовъ. Теперь рѣшено: статскому совѣтнику руки не подавать и не кланяться.

— Быть по сему,—подтвердила я.

Пробывъ у насъ часа два, Ив—скій помчался дальше. Илья Александровичъ тоже уѣхалъ изъ Большой Кандалы вмѣстѣ съ нимъ.

Мы дружески распрощались съ Ильей Александровичемъ, и я о немъ сохранила самое хорошее воспоминаніе. Онъ потихоньку отъ насъ дѣлалъ много добра: помогалъ сиротамъ и бѣднымъ и всегда былъ ласковъ съ больными. Когда мы только-что пріѣхали въ Кандалу, его очень удивило, что я первую чашку кофе или чая наливала той сидѣлкѣ или санитару, которые только-что вернулись съ ночного дежурства, но онъ тотчасъ сообразилъ, почему это дѣлается, и впослѣдствіи всегда заботился о нуждахъ и удобствахъ прислуги. Прощаясь со мной, онъ, благодаря меня за доброе товарищеское отношеніе и (что меня особенно тронуло) за то, что я помогла ему получить болѣе вѣрный взглядъ на русскаго простолюдина, — сознался, что раньше не зналъ русскаго простого человѣка, судилъ о немъ вкривь и вкось, считалъ его грубымъ и жестокимъ звѣремъ, а теперь любитъ его и уважаетъ многія стороны его характера.

Оставивъ пока Анну Михайловну съ Авдотьей и Иваномъ Григорьевичемъ до дальнѣйшихъ распоряженій въ Кандалѣ, я поѣхала въ Архангельскія Озерки, гдѣ уже нѣкоторое время находилась Павла Николаевна съ Аннушкой и Степаномъ. Аграфена Петровна и Машенька тоже уѣхали въ это время въ Самару, такъ какъ срокъ ихъ службы кончился. Александру Николаевну Коз. я уже раньше отпустила, такъ какъ она жаловалась на усталость. Сестра Ольга Алексѣевна и Анна Николаевна

Коз. находились въ распоряженіи доктора П., который посылалъ ихъ въ разныя деревни по своему усмотрѣнію.

Надежда и Софья Яковлевны Кол. съ Митрофаномъ были въ это время въ Энганау.

XI.

Въ Архангельскихъ Озеркахъ.

По пути въ Озерки я заѣхала въ Потряскино. Здѣсь я встрѣтила сестеръ Кол. и еще проѣзжающую вольную сестру милосердія. Остановиться на взъѣзжей оказалось неудобнымъ: намъ страшно надоѣлъ пьяный урядникъ, находившійся тутъ же и стремившійся ухаживать за барышнями, въ особенности за вольной сестрой милосердія. Не смотря на мое весьма серьезное внушеніе, послѣ котораго онъ началъ вести себя нѣсколько скромнѣе, онъ всетаки былъ настолько неприличенъ, что на ночь мы перешли въ помѣщеніе волостного правленія. Здѣсь, благодаря добросердечности молодого писаря и его жены, мы могли достать самоваръ и напиться чаю. Сестры Кол. разсказали мнѣ, что дѣла ихъ въ Энганау идутъ недурно.

Но здѣсь я должна сдѣлать отступленіе и разсказать, какъ еще при началѣ эпидеміи я, по просьбѣ д-ра П., собралась въ Энганау, большую татарскую деревню, муллы которой пользуются особеннымъ уваженіемъ окрестнаго татарскаго населенія. Пріѣхавъ въ Потряскино, гдѣ я должна была получить лошадей для поѣздки въ Энганау, я пила чай, когда ко мнѣ явился посланецъ отъ энганаусцевъ. Это былъ русскій. Я спросила его, что ему отъ меня нужно.

— Я пришелъ къ тебѣ, сестрица, отъ энганаевскихъ татаръ,— отвѣчалъ онъ,—они велѣли тебѣ сказать: „Мы слышали, что ты хочешь пріѣхать къ намъ,—такъ вотъ что мы рѣшили: пріѣзжай и подавай помощъ больнымъ, когда мы тебя позовемъ... но квартиры мы тебѣ въ деревнѣ не дадимъ... пробудешь часа два у больного и потомъ ступай себѣ съ Богомъ“...

— Вижу я, что вы добрые, а главное—умные люди,—отвѣчала я:—и очень толково все разсудили. Только вы объ одномъ забыли, что холерному помощь подать состоитъ не въ томъ только, чтобы ему лѣкарство въ ротъ влить—нужно за нимъ ходить: растирать и согрѣвать его... Иногда часовъ пять-шесть простоишь надъ нимъ, а иногда и цѣлыя сутки отъ него не отойдешь... Да, наконецъ, нужно и объ насъ подумать: вѣдь мы живые люди, а не чурбаны... намъ нужно и ѣсть, и пить, и отдыхать,—иначе не на долго насъ хватитъ и тогда некому будетъ лѣчить васъ... а по вашему намъ ни отдыха, ни пищи! Или скажемъ: я сутки провозилась съ больнымъ, меня едва ноги но-

сятъ, а погода худая, дождь, вѣтеръ, холодъ... и вы мнѣ, усталому и голодному человѣку, въ благодарность за то, что я, можетъ быть, душу живую спасла, говорите: „прiюта мы тебѣ не даемъ, ступай на дождь и холодъ и отдыхай себѣ, гдѣ хочешь, только не у насъ"... Справедливо ли это? Такъ ли Богъ велитъ вамъ поступать? Правду ли говорю?—обратилась я потряскинцамъ, которыхъ набралась цѣлая толпа на взъѣзжей.

— Правду, правду, сестрица,—заговорили тѣ: — плюнь ты на нихъ, псовъ бритыхъ, и останься у насъ... мы вамъ рады... а они пусть околѣваютъ, какъ собаки...

— Что вы, что вы, братцы, зачѣмъ такiя слова!.. Пусть будетъ по-ихнему: я буду только наѣзжать къ нимъ, когда они меня позовутъ...

— Сказано мнѣ такъ... Я что же... я не татаринъ...—смущенно оправдывался посланецъ:—говорятъ: „пусть прiѣзжаютъ, когда позовемъ, а для ухода за больными пусть берутъ нашихъ татарокъ".

— Хорошо!—отвѣтила я:—я и на это согласна... Я знаю, что татары хорошо ходятъ за больными, но должна впередъ сказать, что изъ всего этого мало выйдетъ толку.

— Да у насъ теперь пока и больныхъ еще нѣтъ,—отвѣчалъ посланецъ, — а когда будутъ, такъ ужъ вѣрно пришлемъ за вами...

— А я повторяю, что пусть будетъ по-вашему.

Такъ я въ тотъ разъ въ Энганау и не попала, и меня тутъ же потребовали въ какую-то другую деревню. Когда въ Энганау начались холерныя заболѣванiя, за мной послали въ Чердаклы, но я въ то время была въ разъѣздахъ и д-ръ П. командировалъ къ татарамъ сестеръ Кол.—Когда мы встрѣтились въ Потряскинѣ, онѣ разсказали мнѣ о томъ, какъ ихъ встрѣтили энганаусцы и при какихъ условiяхъ пришлось имъ тамъ работать. Сначала имъ, какъ и мнѣ, не хотѣли дать квартиры, но потомъ увидѣли, что для самихъ больныхъ необходимо, чтобы сестры жили въ деревнѣ; мало-по-малу населенiе приручилось; къ фельдшерицамъ прiѣзжалъ лѣчиться отъ ревматизма даже старый мулла: онѣ ему помогли; тогда всѣ начали къ нимъ ходить лѣчиться. Онѣ познакомились также съ татаркой-лѣкаркой, которая попросила у насъ лѣкарствъ и наставленiй, какъ ходить за холерными больными.

— Ну и слава Богу,—думала я,—значитъ и здѣсь все благополучно.

Ночью пришли звать насъ къ заболѣвшей татаркѣ, жившей на мельницѣ близь Потряскина. Ей была подана помощь, и она поправилась. На слѣдующее утро, чуть забрезжила заря, я поѣхала въ Озерки.

Опять большая, очень даже большая деревня, довольно жи-

вописно расположенная, чего въ чисто степныхъ деревняхъ не встрѣчается. Павла Николаевна Ш. помѣстилась почти посрединѣ деревни, въ довольно удобной и чистой избѣ, раздѣленной перегородкой на три части: прихожую-кухню, зальце и маленькую спаленку. Но это я разобрала только послѣ, такъ какъ въ ту минуту, когда я вошла, меня встрѣтила Аннушка, блѣдная и разстроенная.

— Гдѣ Павла Николаевна?—спросила я:—и что съ тобой, Аннушка, ты не больна ли?

— Я-то здорова, а Павла Николаевна лежитъ — съ ней рвота...

Я бросилась за перегородку, въ спаленку: Павла Николаевна лежала блѣдная, съ закрытыми глазами и какъ будто безъ сознанія. Я ужасно перепугалась—до того, что у меня сразу во рту пересохло. Я взяла Павлу Николаевну за руку и тихо спросила ее: „Что съ вами?“.

Она медленно открыла глаза и отвѣтила:

— Ничего особеннаго: обычный мигрень.

У меня отлегло отъ сердца; я постаралась подать возможную помощь и обезпечить ей полный покой. Она скоро заснула, а я вышла въ сосѣднюю комнату и начала разспрашивать Аннушку, какъ у нихъ идутъ дѣла въ Озеркахъ. Оказалось, что холерныхъ случаевъ мало, но за то очень много амбулаторныхъ больныхъ со всевозможными болѣзнями.

Теперь тяжелыхъ холерныхъ, по словамъ Аннушки, совсѣмъ не было, а изъ двухъ серьозно больныхъ женщинъ въ деревнѣ одна хворала цынгою, а другая представляла жертву деревенскихъ лѣкарокъ. Мнѣ тогда въ первый разъ пришлось видѣть настоящую цынгу; это былъ случай спорадическій, зависѣвшій, повидимому, отъ личныхъ домашнихъ обстоятельствъ паціентки, а не отъ условій жизни всей деревни.

Другая серьезно-больная женщина въ Озеркахъ захворала желудочно-кишечнымъ разстройствомъ, можетъ быть и холерой, и вотъ деревенскія бабы принялись ее лѣчить. Онѣ положили ей горчичники на затылокъ, плечи, низъ живота, крестецъ и внутреннія стороны бедръ, да такъ и оставили ихъ на двадцать четыре часа. Послѣдствіемъ этого было омертвѣніе на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ лежали горчишники. Когда Павла Николаевна въ первый разъ пришла къ ней, то вонь отъ гніющихъ ранъ была ужасна. Даже когда я навѣстила больную, уже обмытую, дезинфицированную и перевязанную, то запахъ, наполнявшій избу, едва можно было вынести. Больная прохворала довольно долго, но при хорошемъ уходѣ и обильной пищѣ, за которую изъ своихъ личныхъ средствъ платила Павла Николаевна, она вполнѣ выздоровѣла.

Но вернусь къ своему разговору съ Аннушкой. Разспросивъ

ее о больныхъ, я вспомнила и о Степанѣ: „Гдѣ онъ и почему не является?"—спросила я.

Аннушка сначала замялась, но потомъ призналась, что Степанъ выпивши и спитъ. На мой настойчивый вопросъ о томъ, какъ онъ, вообще, велъ себя, она, какъ-то нехотя и запинаясь, разсказала мнѣ такую „одиссею" Степановыхъ подвиговъ въ Озеркахъ, что сначала я просто онѣмѣла, а потомъ почувствовала такой гнѣвъ, какого до сихъ поръ, кажется, еще и не испытывала. Оказывалось, что, тотчасъ по прiѣздѣ въ Архангельскiе Озерки, Степанъ выдалъ себя крестьянамъ за доктора, начальствующаго отрядомъ, и началъ разные поборы съ населенiя, главное виномъ; онъ лѣчилъ народъ Богъ вѣдаетъ отъ чего, какъ и чѣмъ, и бралъ за это деньги, а также раздавалъ по деревнѣ книги, таская ихъ безъ спросу у Павлы Николаевны.

— Да что же Павла-то Николаевна смотрѣла... и ты тоже!—чуть не крикнула я.

— Барышня ничего не знаетъ,—заминалась Аннушка:—я ей ничего не говорила... А она, моя голубушка, все съ больными съ темнаго утра до поздней ночи возится... Степанъ все это потихоньку отъ нея... А я что же? Я человѣкъ подневольный... и, видючи ея труды, безпокоить ее не хотѣла...

— Ты должна была ей сказать... и мнѣ написать слѣдовало... Дальше шелъ еще болѣе безобразный разсказъ: Степанъ въ пьяномъ видѣ расхвастался, что сестры, какъ онъ называлъ Павлу Николаевну и Аннушку, все по его приказу сдѣлать должны и даже принимать ухаживанья деревенскихъ парней, если онъ это велитъ. Одинъ изъ этихъ парней, сынъ лавочника, началъ просить Степана ввести его въ компанiю сестеръ и въ ожиданiи этого щедро поилъ его водкой. И вотъ, въ какой то праздникъ, въ то время, когда Павла Николаевна и Аннушка сидѣли за вечернимъ чаемъ, къ нимъ является расфранченный и распомаженный деревенскiй щеголь въ красной рубахѣ на выпускъ, плисовыхъ шароварахъ, „спинжакѣ" въ накидку, высокихъ сапогахъ со скрипомъ и съ гармонiей въ рукахъ—не слѣдуетъ забывать еще глубокихъ резиновыхъ калошъ и трехъаршиннаго пестраго шерстяного шарфа, обмотаннаго вокругъ шеи, не смотря на теплую и сухую погоду.

— Чего тебѣ?—спросила Павла Николаевна своимъ спокойнымъ, ласковымъ, но и барскимъ тономъ.

— Пришелъ раздѣлить съ вами компанiю...—законфузился парень, который былъ неглупый человѣкъ и сразу, хотя и смутно, почувствовалъ, что не туда попалъ.

— Ты боленъ?—спросила Павла Николаевна:—на что ты жалуешься?

Не знаю, что дальше говорилъ парень, но Павла Николаевна скоро поняла, въ чемъ дѣло, и велѣла ему уходить,—а когда онъ

не сразу послушался, то она указала ему на дверь и сказала только одно слово—„вонъ!“ но такъ, что онъ выскочилъ, какъ ошпаренный.

Очень былъ обиженъ парень тѣмъ глупымъ положеніемъ, въ которое его поставили, и рѣшилъ расправиться со Степаномъ по-своему. И вотъ, цѣлая толпа деревенской молодежи явилась къ Степану приглашать его на выпивку. Тотъ, ничего не подозрѣвая, съ радостью собрался и всѣ вмѣстѣ отправились по кабакамъ. Парни, дѣйствительно, угощали Степана, и когда онъ настолько выпилъ, что почувствовалъ себя очень хорошо, вся компанія отправилась гулять по деревнѣ. Незамѣтнымъ образомъ Степана завели на задворки и тамъ дали ему такой палочный урокъ, котораго онъ, вѣроятно, во всю свою жизнь не забудетъ. Его били и приговаривали: „Это за то, что ты насъ обиралъ!.. Это за то, что ты вралъ, будто ты начальникъ и докторъ!.. Это за то, что ты барышенъ позорилъ!.. Сестры насъ лѣчить пріѣхали... для своей души стараются... а ты, подлецъ, что выдумывалъ!..

Едва вырвался отъ нихъ несчастный, весь вспухшій и съ подбитыми глазами; онъ теперь отлеживался на печи. Вся исторія возмездія произошла наканунѣ моего пріѣзда. Мнѣ и роль Анушки во всемъ этомъ была нѣсколько подозрительна, но я уже ничего далѣе не допытывалась, думая, что если сидѣлка тутъ къ чему-либо причастна, то довольно жестоко наказана уже однимъ страхомъ того, что было бы, если бы вина ея открылась. Что касается Степана, то его, понятнымъ образомъ, нужно было прогнать. Но я не рѣшилась сдѣлать это тотчасъ — я слишкомъ сердилась, нужно было успокоиться, тѣмъ болѣе, что Павла Николаевна только что заснула.

Часа черезъ полтора она проснулась—мигрень прошелъ, и мы отправились по больнымъ. Когда я вернулась, то почувствовала настолько душевнаго равновѣсія, что могла спокойно распорядиться; я велѣла позвать Степана.

Онъ явился обрюзглый, сонный, съ синяками на лицѣ.

— Скажи, пожалуйста, я для того тебя оставила въ распоряженіи Павлы Николаевны, чтобы ты пьянствовалъ, обиралъ народъ и устраивалъ разныя гадости?..—начала я.

— Если я нехорошъ, — захорохорился онъ, то отдайте мнѣ паспортъ и деньги за весь мѣсяцъ... я поѣду въ Самару и заявлю, что вы меня неизвѣстно за что уволили...

Но тутъ онъ испуганно замолчалъ; вѣроятно, лицо мое выдало вновь вскипающій во мнѣ гнѣвъ; признаюсь, будь я мужчиной, я бы кажется, его прибила... Черезъ минуту онъ валялся у меня въ ногахъ и молилъ простить, не губить и т. д.

— Ахъ ты негодяй,—говорила я:—ты ни копѣйки не заслуживаешь, ты не работалъ, а пьянствовалъ, и еще требуешь денегъ

впередъ и грозишь! Благодари Бога что зажитое отдамъ тебѣ, вычтя изъ твоего жалованья то, что ты задолжалъ по деревнѣ. Паспортъ же твой будетъ отосланъ въ Самару при рапортѣ о твоемъ поведеніи, и ты отсюда уберешься не въ двадцать четыре часа, а въ двадцать четыре минуты...

Павла Николаевна, не знавшая настоящихъ причинъ моего гнѣва, такъ какъ о продѣлкахъ Степана ей не сообщали, и думая, что дѣло идетъ только о томъ, что онъ былъ пьянъ, умоляла меня простить его. Степанъ продолжалъ валяться на полу, обливаясь полупьяными слезами... Онъ былъ ужасно жалокъ и отвратительно гадокъ... Я приказала заложить для него земскую лошадь и послала узнать по лавкамъ, что онъ тамъ долженъ: оказалось рубля два съ половиною. Отдавъ ему то, что за вычетомъ этихъ двухъ съ полтиной ему слѣдовало по день увольненія, я вручила ему паспортъ и отправила его на всѣ четыре стороны. Само собою разумѣется, что я въ управу о немъ не писала—онъ былъ достаточно наказанъ своимъ изгнаніемъ; давать ему, что называется „волчій паспортъ“ я не хотѣла: можетъ быть, на своей будущей службѣ гдѣ-нибудь онъ хоть изъ страха возмездія будетъ поступать добросовѣстнѣе...

Кончивъ эту расправу, я почувствовала себя очень усталой: я выхала изъ Потряскина въ пять часовъ утра—теперь было два. Напившись чаю, я поэтому легла отдохнуть... Но только что я заснула, какъ меня разбудили: пріѣхалъ нарочный съ пакетомъ изъ Чердаклов.

Оказывалось, что въ селѣ Тургеневѣ, имѣніи уѣзднаго предводителя дворянства, Бориса Михайловича Т., снова началась холера, бывшая тамъ лѣтомъ и прекратившаяся къ двадцатымъ числамъ іюля. Д-ръ П. посылалъ мнѣ письмо предводителя съ требованіемъ медицинской помощи. Я, понятно, сейчасъ же собралось ѣхать, но меня смущала мысль: что могу я сдѣлать тамъ одна? Павла Николаевна, покончивъ дѣло въ Озеркахъ, должна была вернуться въ Женеву, гдѣ начинался учебный семестръ. Она уже просила меня отпустить ее. Сестры Кол. еще были нужны въ Энганау. Когда-то еще прибудетъ остальная часть отряда изъ Большой Кандалы, куда я тутъ же написала. Что касается Ольги Алексѣевны и Анны Николаевны Коз., то я совсѣмъ даже не знала, гдѣ онѣ, такъ какъ д-ръ П. меня не извѣщалъ о ихъ мѣстопребываніи. Смущалась же вотъ почему: вспыхивая вновь, холера обыкновенно сразу захватываетъ массу народа, и тутъ то въ особенности нуженъ болѣе многочисленный персоналъ для ухода за значительнымъ количествомъ больныхъ. Чтобы успѣшно бороться съ болѣзнью нужно было иногда по нѣскольку часовъ не отходить отъ больного, растирать его и согрѣвать, а также давать лѣкарство частыми пріемами и тому подобное... Родственники больныхъ большею частью убѣгали изъ дома,

а если и оставались, то далеко не точно исполняли наши предписанія, путали ихъ, или въ перемежку съ нашими средствами употребляли свои.—Павла Николаевна предложила мнѣ взять съ собой Аннушку, которая ей была теперь не особенно нужна, такъ какъ новыхъ заболѣваній въ Озеркахъ не было. Я такъ и сдѣлала.

Хотя лошади, которыя должны были везти меня въ Тургенево, были заказаны съ трехъ часовъ, но ихъ подали не раньше шести, отговариваясь тѣмъ, что привели изъ поля и требовалось еще накормить ихъ передъ дорогой. Мнѣ это было непріятно только въ виду больныхъ, помощь которымъ отъ этого замедлялась,—что же касалось поѣздки ночью, то этого я не боялась: въ Самарской губерніи дороги отличныя, ночи теперь были лунныя, а степныя лошади бѣгутъ верстъ по двѣнадцати-четырнадцати въ часъ,—и я думала, что часу въ десятомъ вечера я, во всякомъ случаѣ, буду въ Тургеневѣ, отстоявшемъ, какъ я слышала, верстъ на тридцать пять отъ Озерковъ.

Какъ сейчасъ помню, ямщика, Ивана Лизунова, маленькаго, худенькаго сѣро-смуглаго человѣчка, въ сѣромъ зипунѣ и замасленой войлочной шапченкѣ съ узкими полями; помню я и его темно-гнѣдую тройку—костлявую и смѣшную,—его веревочную сбрую и запыленный тарантасъ-плетенку. Но, какъ сказано, дороги были гладки, тарантасъ мягко покачивалъ, смѣшныя лошаденки, уморительно кивая головою быстро бѣжали, погода была не особенно холодная, луна свѣтила и ѣхать было вовсе не дурно.

— Сколько верстъ до Тургенева?—спросила я.

— А кто-жъ его знаетъ навѣрно?.. верстъ тридцать или тридцать пять будетъ...—отвѣчалъ ямщикъ.

— Ты развѣ не знаешь? Вѣдь ты ямщикъ!

— Да какъ мнѣ знать? Туда ѣздить не случалось, вотъ и не знаю.

— Значитъ, ты и дороги туда не знаешь? А ну, какъ мы заблудимся?

— Вотъ что еще сказала: заблудимся! Небось, не заблудимся!

И мы катили все дальше и дальше; но меня невольно охватывало смущеніе: дорога ямщику, какъ онъ самъ сказалъ, незнакомая, — селенія здѣсь рѣдки, иногда верстъ сорокъ проѣдешь полями, на которыхъ ни деревца, ни пригорка, и къ тому же вся мѣстность пересѣчена вдоль и поперекъ дорогами, ведущими только къ разнымъ полямъ.

Будемъ мы тутъ всю ночь колесить, и къ свѣту доѣдемъ куда-нибудь, куда намъ вовсе не нужно, въ какой-нибудь Красный или Бѣлый Яръ... И спросить не у кого, думалось мнѣ,—полевыя работы кончены, въ степи ни души... Въ это время поднялся вѣтеръ, на небѣ начали появляться темныя тучи, которыя точно гнались одна за другою, измѣняя причудливыя очертанія и, поровнявшись съ луною, словно накидывались на нее; та сразу куда-

то исчезала и вся окрестность на минуту охватывалась мракомъ... Не мудрено, что въ такія ночи боязливое воображеніе темнаго деревенскаго человѣка представляетъ себѣ всякія страшныя сверхъестественныя вещи: тучи для него не тучи, а вѣдьмы или злые духи, которые похищаютъ или пожираютъ луну... Даже для меня сдѣлалась какъ-то томительны эти переходы отъ луннаго полусвѣта къ глубокой темнотѣ; кромѣ того, я устала, много волновалась въ этотъ день, и мысль о томъ, что мы заблудились, начала прямо раздражать меня. Я потребовала отъ Ивана Лизунова, чтобы онъ хорошенько разспросилъ о дорогѣ въ первой деревнѣ, черезъ которую мы будемъ ѣхать. Наконецъ, мы увидѣли вдали строенія: оказалось, что это татарская деревня. Но Иванъ по какому то непонятному упрямству ни за что не хотѣлъ подъѣхать къ которой нибудь изъ освѣщенныхъ избъ и разспросить о дорогѣ; между тѣмъ, прохожихъ на улицѣ не было, и мы доѣхали уже до выѣздныхъ воротъ, когда намъ на встрѣчу попался верховой. Ямщикъ хотѣлъ было миновать и его, но я настояла, чтобы его окликнули. На вопросъ, какъ проѣхать въ Тургенево, татаринъ отвѣтилъ своеобразно коверканнымъ русскимъ языкомъ: „Будетъ вамъ за оврагамъ двамъ дорогамъ—одна право коровамъ, другая лѣво полямъ. На лѣвамъ не ѣзжалъ, ѣзжалъ направамъ коровамъ". Что въ переводѣ на обыкновенный русскій языкъ значитъ: за оврагомъ вы увидите двѣ дороги—одна направо въ деревню Коровино, другая на лѣво въ поля,—не ѣздите налѣво въ поля, а поѣзжайте направо въ Коровино.—Ямщикъ уже предупредилъ меня, что намъ главное узнать, какъ проѣхать въ Коровино, а изъ Коровина до Тургенева по прямой большой дорогѣ всего двѣ—три версты.

Мы поѣхали; тучи продолжали свою игру съ луною, такъ что было поочереди то темнѣе, то свѣтлѣе. Намъ попалось нѣсколько овраговъ, но ямщикъ, повидимому, не разобралъ, о которомъ изъ нихъ толковалъ татаринъ, да и дорогъ за оврагами было по нѣскольку — короче говоря, мы заблудились; въ девять часовъ мы не только не пріѣхали въ Тургенево, но было уже десять, какъ я разсмотрѣла на своихъ часахъ при зажженой спичкѣ,—а мы все еще ѣхали по безконечной оголенной степи, и не предвидѣлось, чтобы мы скоро куда-нибудь попали.

— Ну, вотъ, хорошо будетъ пріѣхать въ глухую ночь... мы никуда не достучимся! — кипятилась я.

— Ужъ и не знаю, какъ я просмотрѣлъ коровинскую дорогу... — ворчалъ смущенный ямщикъ:—или песъ-татаринъ навралъ...

— Что ему врать-то!.. Самъ прозѣвалъ, такъ ужъ молчи! — затараторила Аннушка:—привезешь насъ къ свѣту въ Бѣлый Яръ, вотъ что!..

Становилось холодно и легкій туманъ, какъ дымкой, завола-

кивалъ окрестность. Наконецъ, вдали, вправо, что-то зачернѣло въ сторонѣ отъ дороги.

— Что это?—спросила я:—строеніе?

— Нѣтъ, овчарня, шалашъ съ огорожей для овечьихъ отаръ съ чабанами *),—отвѣтилъ Иванъ Лизуновъ.

Мы поровнялись съ шалашомъ и проѣхали его. Тамъ никого не было. Опять что-то чернѣется вдали...

— Вонъ овецъ отара съ чабаномъ... Надо его окликнуть да и въ самомъ дѣлѣ спросить, куда мы попали...—обрадовался Иванъ.— Дя-а-дя, эй!—какимъ-то неистовымъ фальцетомъ завопилъ онъ.

Черезъ минуту, которую мы провели, прислушиваясь, раздался сквозь туманъ густой басъ, изъ называемыхъ почему-то замогильными, отвѣчавшій: „Гэ-э-й!"

— Дя-а-дя, куда мы ѣдемъ?—надрывался Иванъ Лизуновъ.

— А чо-о-ртъ те-е-бя знаетъ, ку-у-да ты ѣ-ѣ-дешь!—медленно съ разстановкой прогудѣлъ басъ.

Комизмъ вопроса и безпощадная логика отвѣта заставили меня громко размѣяться.

— Вотъ, ѣхали къ коровамъ —пріѣхали къ овцамъ!..—тараторила Аннушка, раскатываясь мелкой дробью манернаго бабьяго хохота.

Въ это время мы подъѣхали къ чабану, который оставилъ свое стадо и, въ сопровожденіи двухъ собакъ, подошелъ къ дорогѣ. Ямщикъ объяснилъ ему, куда намъ нужно попасть. На это чабанъ отвѣтилъ, что онъ не здѣшній и хорошенько дорогъ не знаетъ, но что, если мы проѣдемъ съ версту прямо, а потомъ повернемъ налѣво, то будетъ намъ дуброва, а за этой дубровой должно быть и есть Тургенево.

Ямщикъ подобралъ возжи и уже хотѣлъ ѣхать, какъ издали, справа, кто-то окликнулъ насъ, и мы увидѣли шагающаго по полю человѣка, вооруженнаго длиннѣйшими деревянными вилами.

— Ты здѣшній?—спросила я, когда онъ подошелъ къ намъ.

— А вы кто такіе и куда ѣдете?—въ свою очередь отвѣтилъ онъ вопросомъ.

— Мы сестры милосердія и ѣдемъ въ гости къ предводителю,—заторопилась Аннушка отвѣтомъ, боясь, не сказала бы я незнакомому человѣку, что я врачъ.

— Та-а-къ!—протянулъ человѣкъ съ вилами:—къ Борису Михайловичу въ Тургенево... Ну, вотъ, повернете сейчасъ направо, проѣзжайте съ полверсты по пашнѣ и выѣдете на дорогу; по ней поѣзжайте налѣво, въѣдете въ дуброву... на выѣздѣ изъ нея будетъ крутой спускъ, а подъ горой деревня — это и есть Тургенево.

— А ты что здѣсь дѣлаешь?—спросила я мужика.

---

*) Для овечьихъ стадъ съ пастухами.

— Я тутъ снопы караулю, — отвѣчалъ онъ: — еще не весь хлѣбъ изъ поля вывезенъ, вотъ я его и караулю.

Мы отправились по его указаніямъ, и тарантасъ принялся порядочно подпрыгивать по бороздамъ, но это скоро прекратилось, потому что дорога оказалась еще ближе, чѣмъ сказалъ караульщикъ; но до „дубровы“ было довольно далеко. Успокоенная тѣмъ, что мы скоро доберемся до мѣста, я начала дремать, держась за Аннушку, и на минуту даже совсѣмъ забылась, когда та, вдругъ, крѣпко сжала мою руку и взволнованно зашептала что-то. Я открыла глаза: мы ѣхали легкой трусцой, впереди виднѣлся лѣсокъ, а среди него костеръ, горѣвшій на одной изъ прогалинъ: деревья и клубы чернаго дыма, и копошившіяся вокругъ костра темныя фигуры были освѣщены кроваво-пурпуровымъ заревомъ. Вѣтеръ дулъ отъ насъ по направленію къ костру.

— Насъ мужикъ нарочно послалъ сюда,—шептала, точно захлебываясь, Аннушка:—насъ заколотятъ и сожгутъ...

Аннушка не была труслива, но въ эту минуту, не знаю, что сдѣлалось съ нею: она и дрожала, и плакала, и такъ схватилась за мою руку, что потомъ на ней оказался синякъ.

— Да полно тебѣ дурить!—остановила я ее:—такъ насъ тутъ и ждали...

— Да, ждали!.. Ужъ пришелъ намъ послѣдній часъ!—причитывала несчастная баба.

— Не назадъ же намъ возвращаться, — съ досадой сказала я: — какъ нибудь надо ѣхать впередъ, насъ въ Тургеневѣ ждутъ, а волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить! Вотъ что, Иванъ,—прибавила я: — поѣзжай шагомъ, дай вздохнуть тройкѣ, а какъ будешь ближе подъѣзжать, то стегни хорошенько лошадей...

Такъ и сдѣлали. Каковъ же былъ стыдъ Аннушки, когда рядомъ съ костромъ мы увидѣли высоко-нагруженныя снопами телѣги. Съ полверсты далѣе были еще телѣги и еще костеръ. А когда мы выѣхали изъ лѣса и начали спускаться по крутому и узкому песчаному косогору, то поняли, по неудобству дороги, почему мужики не рѣшились ѣхать по ней ночью со своими неуклюжими перегруженными возами.

XII.

Въ Тургеневѣ.

Но вотъ мы, слава Богу, добрались и до Тургенева. Стало сыро, холодно, темно. Село словно вымерло. Куда приворотить? Гдѣ взъѣзжая? Спросить не у кого. Тургенево тоже большая деревня: вотъ барскій старинный садъ, вотъ широкій дворъ съ цвѣточными клумбами за рѣшеткой, вотъ и господскій домъ; въ домѣ

огней не видно, какъ не видно ихъ и въ избахъ; на улицахъ ни души.

— Поѣзжай дальше, — сказала я, — гдѣ-нибудь не спятъ же люди, такъ какъ здѣсь есть больные.

Мы почти шагомъ поѣхали по темной улицѣ; вотъ, наконецъ, вдали освѣщенное окно: мы равняемся съ нимъ, и я вижу наклоненную надъ столомъ съ бумагами голову сестры Ольги Алексѣевны.

— Стой,—говорю я,—пріѣхали!

Это была взъѣзжая. Хуже нея я ничего не видѣла въ смыслѣ мрачности и неуютности, хотя она была просторна и высока. Ольга Алексѣевна помѣщалась за перегородкой, въ избѣ же жили хозяева съ кучей дѣтей.

Ольга Алексѣевна разсказала мнѣ, что докторъ П. послалъ ее прямо въ Тургенево, такъ какъ въ той деревнѣ, гдѣ она была, эпидемія прекратилась. А письмо его ко мнѣ путешествовало еще въ Большую Кандалу,—вотъ почему и могло случиться, что Ольга Алексѣевна за три дня раньше меня пріѣхала въ Тургенево. Я начала спрашивать ее о количествѣ больныхъ и о трудности случаевъ.

— Я у всѣхъ больныхъ уже была съ вечернимъ обходомъ и сдѣлала все, что нужно,—отвѣтила довольно задорно Ольга Алексѣевна.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь,—сказала я,—это ваша прямая обязанность, точно такъ же, какъ и отвѣчать на мои вопросы. Сколько же больныхъ и какъ трудны они?

Ольга Алексѣевна нѣсколько смутилась и уже болѣе смирно отвѣчала, что особенно трудныхъ случаевъ нѣтъ, что два тяжелобольныхъ человѣка умерли вчера, и что теперь только одинъ старикъ и одна старуха внушаютъ опасенія.

Въ это время хозяйка, которой было поручено поставить самоваръ, пришла сказать, что меня зовутъ ужинать къ господамъ, что за мною прислали дрожки и что велѣно сказать, что для меня готова комната. Такъ какъ за перегородкой взъѣзжей мѣсто уже было занято Ольгой Алексѣевной и Анной Николаевной, и онѣ настояли бы на томъ, чтобы я взяла для себя кровать, а которая-нибудь изъ нихъ улеглась бы на полу, то я была очень рада, что найду другой пріютъ. Я тотчасъ отправилась и захватила съ собой Аннушку. Было около двѣнадцати часовъ ночи.

Я застала всю семью Т. въ сборѣ, въ столовой. Тутъ былъ самъ предводитель, Борисъ Михайловичъ Т. съ женой, его отецъ, дядя и еще нѣсколько лицъ, которыхъ я теперь не припомню. Все это были люди интеллигентные и хорошо воспитанные, которые сумѣли заставить меня почувствовать себя сразу легко съ ними. Мнѣ разсказали, что первыя сентябрьскія холерныя заболѣванія произошли въ ближайшей отъ кладбища избѣ,

тамъ сразу вымерла цѣлая семья, а теперь, хотя и не особенно быстро, но число больныхъ все возрастаетъ. Меня попросили поселиться въ домѣ и считать себя гостьей. Я поблагодарила и сказала, что рада воспользоваться гостепріимствомъ на сегодня, но что завтра мнѣ придется ходить по больнымъ и я не считаю себя въ правѣ заносить холерную заразу къ нимъ въ домъ... Кромѣ того, нужно, чтобы мой персоналъ былъ у меня на глазахъ, и къ тому же я желаю жить въ однихъ условіяхъ со своими фельдшерицами и сестрами милосердія, чтобы не вызывать въ нихъ завистливаго недоброжелательства къ себѣ... Но, что если мнѣ можно будетъ иногда заходить въ болѣе свободное время, то я буду этому очень рада, такъ какъ провела уже два мѣсяца, за исключеніемъ короткихъ часовъ, какъ на необитаемомъ островѣ.

Мой отвѣтъ нашли справедливымъ и логичнымъ и не настаивали долѣе.

Спала я отлично, на пружинномъ матрацѣ; послѣ жидкихъ соломенниковъ или просто кучъ соломы на полу — это было безподобно. Встала я очень рано и тотчасъ отправилась по больнымъ. Большинство изъ нихъ были не трудны. Только старикъ въ избѣ, довольно близкой отъ кладбища, да пожилая баба на томъ же дальнемъ концѣ деревни могли внушать опасенія. Ольга Алексѣевна дѣйствительно все сдѣлала для больныхъ, чему ее учили на подготовительныхъ теоретическихъ курсахъ, которые она прослушала до отъѣзда на эпидемію. Къ сожалѣнію, изъ предложенныхъ лѣкарствъ, она выказала особенное предпочтеніе каломелю — и вотъ всѣ безъ исключенія паціенты ея въ Тургеневѣ теперь страдали меркуріальнымъ стоматитомъ. Ей не пришло въ голову позаботиться о томъ, чтобы выдѣлить каломель изъ организма, гдѣ онъ оказался задержаннымъ, какъ не подумала она и о гигіенѣ полости рта при назначеніи этого средства. Что было дѣлать: назначивъ всѣмъ больнымъ—кому слабительное, кому что, и поголовно всѣмъ полосканье для рта, я постаралась разъяснить Ольгѣ Алексѣевнѣ ея ошибку, и при этомъ уловила на ея лицѣ насмѣшливо-упрямое выраженіе, которое моя покойная старушка-няня по отношенію къ намъ, дѣтямъ, переводила когда-то такъ: „Говори себѣ стѣнкѣ!"

Въ избахъ насъ принимали недовѣрчиво и неласково. Кончивъ обходъ, я вернулась въ барскій домъ, чтобы поблагодарить своихъ добрыхъ хозяевъ и посовѣтоваться съ ними, какъ и гдѣ намъ устроиться. Мнѣ предложили поселиться съ сестрами въ домикѣ, на концѣ господскаго сада; это было довольно большое строеніе, раздѣленное сѣнями на двое: налѣво обыкновенная изба кухня, направо довольно большое помѣщеніе, состоящее изъ четырехъ комнатъ,—сюда мы и перебрались.

Въ избахъ здѣсь было чисто, люди спали на человѣческихъ

пока ребенка теплыми припарками, гляди только, не обожги его часомъ...

Когда женщина ушла, я обратилась къ Ольгѣ Алексѣевнѣ.

— Что все это значитъ?—взволнованно спросила я ее:— Какъ это вы сумѣли вызвать къ себѣ такое недоброжелательство.

— Дура эта баба, вотъ что!—отвѣчала Ольга Алексѣевна.

— Она, повидимому, вовсе не дура: вы, насколько я могла понять, грубо обращались съ ея умирающей невѣсткой...

— Грубо, грубо!—закипятилась Ольга Алексѣевна.—Вовсе не грубо—простой народъ любитъ, чтобы съ нимъ попросту обходились...

— Да, — отвѣчала я: — заяцъ любитъ быть ободраннымъ живьемъ—по кухонной книгѣ Авдѣевой... Вѣдь это позорно, что сестру милосердія обвиняютъ въ грубомъ обращеніи съ умирающей!..

Ольга Алексѣевна совсѣмъ разозлилась.

— О! Я хорошо понимаю, чѣмъ не угодила вамъ. Для васъ хороши только свѣтскія фельдшерицы! Вы ненавидите меня за этотъ крестъ, который на моей груди... Я не могу и не хочу такъ слащаво обращаться съ мужичками, какъ вы и ваши фельдшерицы: „миленькая, голубушка!“—тоненькимъ голоскомъ пропѣла она... Вообще, я не хочу служить съ вами... Я завтра же уѣду и заявлю въ Самарѣ, что вы меня оскорбляли...

— Нѣтъ, сестра, вы уѣдете не завтра, а сегодня-же, во избѣжаніе тѣхъ бѣдъ, которыми вамъ грозятъ... Знаете, что шептала мнѣ баба: у нихъ для васъ приготовлено пять молодцевъ съ дубинами...

Ольга Алексѣевна поблѣднѣла, растерянно взглянула на меня и совершенно перемѣнила тонъ.

— Дорогая А. Н.,—взмолилась она:—ради Бога отпустите меня дѣйствительно сегодня-же! Вы вѣдь знаете, какіе эти мужики варвары: пожалуйста сейчасъ же пошлите за лошадьми!

Такъ и сдѣлали, и часа черезъ два мы были избавлены отъ Ольги Алексѣевны. Она благополучно доѣхала до Самары, гдѣ сочла первымъ своимъ долгомъ нажаловаться на меня во врачебной управѣ.

Послѣ ея отъѣзда мнѣ еще отъ многихъ приходилось слышать жалобы на ея грубость. Въ особенности обижались выраженіемъ „Сивуха“, котораго я не понимала, пока мнѣ не объяснили, что это значитъ: „сивая кобыла“. Понятно, что подобный терминъ не пригоденъ для примѣненія къ больнымъ, въ особенности въ устахъ сестры милосердія.

Прибавлю, что въ ту командировку я получила такое нехорошее понятіе о сестрахъ милосердія по экземплярамъ, которые я видѣла, что сдѣлалась прямо врагомъ и ихъ, и всякихъ жен-

скихъ общинъ, дающихъ полуинтеллигентнымъ женщинамъ возможность испортить всякое хорошее дѣло своею безтактностью. Но позднѣе, во время голода и цынги, на командировкѣ въ Самарской же губерніи, я перемѣнила свой взглядъ какъ на сестеръ милосердія, такъ и на монахинь—и перемѣною этого взгляда обязана съ одной стороны монахинямъ самарскаго женскаго монастыря, бывшимъ у меня въ отрядѣ въ качествѣ санитарокъ, а съ другой—сестрамъ милосердія петербургской общины св. Евгеніи. И въ настоящее время я горячая сторонница общинъ сестеръ милосердія въ томъ смыслѣ, въ какомъ поставлено это дѣло въ общинѣ св. Евгеніи.

Послѣ отъѣзда Ольги Алексѣевны я пошла сдѣлать обходъ по всѣмъ больнымъ какъ труднымъ, такъ и выздоравливающимъ. По дорогѣ я встрѣтила Бориса Михайловича Т., который пошелъ со мною. Тутъ мы услышали новыя жалобы на Ольгу Алексѣевну, но я всѣхъ успокоила тѣмъ, что сестра уже уѣхала.

На этомъ обходѣ мнѣ встрѣтилось двое больныхъ натуральною оспою—я нѣсколько испугалась, ожидая, что эпидемія распространится; но дѣло ограничилось всего пятью случаями въ двухъ семьяхъ. Нашла я тогда и прокаженную старуху, у которой lepra anaestetica уже перешла въ lepra mutilans. Я тотчасъ же дала знать объ этомъ въ Самару, но не знаю, вышло ли что-нибудь изъ моего рапорта.

Что сказать еще о больныхъ въ Тургеневѣ? Они всѣ были болѣе или менѣе похожи одни на другихъ. Ихъ перешло черезъ руки десятаго санитарнаго отряда въ два съ половиной мѣсяца около восьмисотъ холерныхъ и около двухъ съ половиною тысячъ съ другими болѣзнями. Были тутъ и хроники, и острые; было много жертвъ маляріи, трахомы, сифилиса и т. д. Работы было вдоволь, какъ для меня, такъ и для всего моего персонала. Обыкновенно, по пріѣздѣ въ деревню, было очень много дѣла, вслѣдствіе интенсивности холеры и наплыва другихъ больныхъ. Такъ продолжалось дня три, потомъ все утихало. Такъ было и въ Тургеневѣ. Меня здѣсь особенно интересовали причины второго взрыва эпидеміи въ селеніи, сравнительно прекрасно обставленномъ въ гигіеническомъ отношеніи. Наконецъ я, повидимому, эту причину нашла: крестьяне жаловались на то, что люди, обязавшіеся хоронить холерныхъ покойниковъ, исполняютъ свое дѣло небрежно. И дѣйствительно, вырывъ, по предписанію, могилу въ сажень глубиною, эти люди рѣшили, что гробовъ туда можно валить, сколько войдетъ—ихъ иногда ставили по три одинъ на другой, и сверху на нихъ опрокидывали еще и носилки; потомъ все это засыпали землей. На Тургеневскомъ кладбищѣ такъ и торчали изъ подъ земли облитые известкой палки отъ носилокъ. Не мудрено, что въ ближайшей отъ кладбища избѣ начались новыя заболѣванія.

Здѣсь я хочу разсказать еще объ одномъ холерномъ случаѣ, при которомъ встрѣтились довольно странныя обстоятельства. Ольга Алексѣевна передала мнѣ больную женщину лѣтъ пятидесяти слишкомъ; это была высокая, пухлая, блѣдная и одутловатая баба, какихъ въ просторѣчіи называютъ „сырыми". Она хворала холерой еще до моего пріѣзда и теперь все не могла поправиться, не смотря на то, что я поручила уходъ за нею сестрѣ Аннѣ Михайловнѣ. Нужно сказать, что Анна Михайловна была очень странная дѣвушка. Раньше она отлично училась на высшихъ курсахъ, но по недостатку матеріальныхъ средствъ не могла довести своихъ занятій до конца. Она тоже была прекрасной музыкантшей и хорошо пѣла. Характеръ у нея былъ въ высшей степени кроткій—бывало, разсердишься на нее за какую-нибудь легкомысленную выходку, дѣлаешь ей строгій выговоръ, а она такъ мило улыбнется на это, такъ ласково смотритъ, что станетъ совѣстно за свою суровость и стараешься вдвое приласкать ее. Съ больными она отлично обходилась, и всѣ у нея выздоравливали; она умѣла ни на минуту не терять изъ виду ни порученнаго ей больного, ни его нуждъ.

Когда дѣла не было, она просто выводила меня изъ терпѣнія, то завивается и прихорашивается, то лакомится, то въ карты гадаетъ... Богъ знаетъ, что за сумбуръ былъ въ этой бѣдной головѣ—при больныхъ-же она была безукоризненна.

Какъ бы тамъ ни было, но старуха, даже, какъ сказано, порученная Аннѣ Михайловнѣ, къ моему удивленію не выздоровѣла. Жила эта больная на самомъ дальнемъ концѣ деревни, въ покосившейся избѣ, довольно, однако, обширной и отстоявшей недалеко отъ кладбища. Садъ господскаго дома, на углу котораго мы жили, покато спускался къ топкимъ лугамъ, заросшимъ густымъ и высокимъ ивнякомъ; лицомъ къ этому ивняку стояла и избушка больной, только почти за версту отъ насъ.

Мы ходили туда по дорогѣ, направо отъ которой были огородные заборы, а налѣво спускъ на лугъ, къ ивовымъ зарослямъ. Все это мѣсто было очень пустынно, и ночью тутъ не встрѣтишь бывало не только человѣка, но даже собаки. Крестьяне совѣтовали намъ быть осторожными, не ходить по этой дорогѣ ночью и хорошенько запирать на ночь свой флигель, говоря, что въ зарosляхъ легко спрятаться лихому человѣку. Я смѣялась и спрашивала: „а что возьметъ съ насъ лихой человѣкъ. Большихъ денегъ у насъ нѣтъ, а то малое количество, которое есть, отдано на сохраненіе въ господскій домъ. Отнять у насъ лѣкарства?—такъ врядъ-ли кто на нихъ польстится—корысти въ нихъ для лихого человѣка мало". Но какъ ни недовѣрчиво относилась я къ этимъ запугиваньямъ, я согласилась, чтобы у насъ ночевалъ сотскій,—къ своей же больной мы ходили попарно и не слишкомъ поздно вечеромъ. Сотскій тоже проповѣдывалъ намъ осторожность, прямо говоря, что

въ зарosляхъ, слышно, скрывается бѣглый каторжникъ изъ Сибири,—онъ только просилъ не передавать объ этомъ слухѣ ни господамъ, ни начальству.

Чуть не каждое утро ко мнѣ являлась быстроглазая бабенка, говоря, что она ухаживаетъ за упомянутою больною старухою и очень боится заразиться холерой, а потому проситъ сулемы для дезинфекціи.

Мы давали ей сулему, какъ и другимъ, предупредивъ, что это сильный ядъ.

Не давать крестьянамъ сулемы вызвало бы недовольство и привело бы только къ тому, что они покупали-бы ее въ тридорога у знахарей, которые лѣчатъ ею сифилисъ. Давали мы обыкновенно растворы, объясняя употребленіе ихъ.

Когда я вечеромъ шла къ моей больной, я всегда издали видѣла, что изба ярко освѣщена: полоса свѣта тянулась на лугу зарослей. Какъ только, при моемъ приближеніи начинала на дворѣ лаять собака, свѣтъ потухалъ. Постучавшись, приходилось иногда довольно довольно долго ждать, пока отворятъ. Когда я входила въ избу, въ ней горѣла одна крошечная коптящая керосиновая лампочка и находилась только больная съ своей черноглазой сидѣлкой. Мужа больной я рѣдко видѣла: это былъ высокій, черноволосый, стройный мужикъ, лѣтъ на десять моложе жены. О немъ ходили слухи, что онъ кутила, озорникъ и на руку нечистъ. Больная хворала дней десять съ явленіями желудочно-кишечнаго катара, не поддававшагося лѣченію, и, наконецъ, умерла. Мнѣ пришли сказать объ этомъ и я отправилась, чтобы констатировать смерть. Въ избѣ я застала двухъ старухъ, которыя качали головой и начали разсказывать мнѣ, что видъ у покойницы не такой, какъ у другихъ людей, умиравшихъ отъ холеры. И у меня было то́ же впечатлѣніе, но нужно сказать, что собственно холера у больной прошла и только оставался катаръ пищевыхъ путей и большая слабость сердца, съ которыми мы безуспѣшно боролись. Неужели ее отравили сулемой? думалось мнѣ. Этотъ красивый и сравнительно молодой мужъ, эта молодая вoструха бабенка были мнѣ подозрительны. Что должна я была сдѣлать тутъ, и должна-ли была что-нибудь сдѣлать? Какъ только я вернулась домой, пришелъ ко мнѣ мужъ покойницы и просилъ выдать ему свидѣтельство о томъ, что жена его умерла отъ холеры, иначе-де батюшка хоронить не станетъ. Болѣе двухъ мѣсяцевъ уже была я въ уѣздѣ и это была первая подобная просьба. Я велѣла ему придти вечеромъ и пошла посовѣтоваться съ Борисомъ Михайловичемъ. Мнѣ думалось болѣе, чѣмъ когда либо, что тутъ дѣло нечисто. Оказалось, что молодая бабенка, ходившая за больной, была вдова, мужъ которой сгорѣлъ сонный во время пожара, бывшаго въ ихъ избѣ года три тому назадъ. Бабу подозрѣвали, что она опоила его дурманомъ и сама подожгла избу.

Теперь разсказывали, что она въ связи съ мужемъ покойной старухи...

— Можете ли вы утверждать, что покойница умерла отъ сулемы? —спросилъ Борисъ Михайловичъ.

— Нѣтъ,—сказала я, у меня есть только смутное подозрѣніе, что тутъ нечисто дѣло.

— Вотъ видите ли!—продолжалъ онъ:—можетъ быть, тутъ и не обошлось безъ грѣха, но примите во вниманіе, что народъ только начинаетъ успокаиваться; если мы поднимемъ переполохъ и начнется слѣдствіе съ пріѣздомъ чиновниковъ и т. д., то еще Богъ знаетъ, во что перетолкуютъ всю эту исторію,—народъ опять взволнуется мыслью, что его отравляютъ... Мой совѣтъ: напишите свидѣтельство, что больная умерла, какъ вы и сами думали, отъ слабости сердца и осложненія со стороны пищевыхъ путей послѣ холеры, и предоставьте Провидѣнію наказать виновныхъ, если таковые были...

Я поступила по совѣту Бориса Михайловича, тѣмъ болѣе, что дѣйствительно доказательствъ относительно отравленія бабы не имѣла.

Потомъ я слышала, что по ночамъ у вдовца, какъ и при жизни жены, собираются конокрады и воры для кутежей. Что касается насъ, то никто изъ нихъ ничѣмъ не далъ знать намъ о своемъ присутствіи.

Въ Тургеневѣ мы получили извѣщеніе о томъ, что въ виду окончанія эпидеміи насъ вызываютъ обратно въ Самару. Населеніе черезъ Бориса Михайловича просило управу продлить срокъ нашего пребыванія въ Тургеневѣ, но получило отказъ, и мы пустились въ обратный путь, горячо поблагодаривъ семейство Т. за его любезность и доброту къ намъ.

Въ Тургеневѣ я получила письмо отъ Д. Д., съ которой ѣхала изъ Петербурга. Она осталась земскимъ врачемъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ и туда пріѣхали къ ней мужъ и дѣти.

XIII.

Обратный путь.

Собрались мы скоро, распростились съ семьею Т. и съ населеніемъ и отправились въ обратный путь. Хотя была половина октября, но погода стояла хорошая и сухая и ѣхать было совсѣмъ не дурно. Теперь въ деревняхъ, гдѣ мы проѣзжали, насъ встрѣчали совсѣмъ иныя картины, чѣмъ когда мы пріѣхали: на на улицахъ былъ народъ, слышались пѣсни, кое-гдѣ мы увидѣли хороводы. Когда мы подъѣзжали къ какой нибудь взъѣзжей, насъ не встрѣчали вопросомъ: „вы зачѣмъ пріѣхали“? Въ знакомыхъ

деревняхъ съ нами ласково прощались, желая намъ всего хорошаго.

Съ своими фельдшерицами я встрѣтилась въ Чердаклахъ, куда заѣхала, чтобы проститься съ д-ромъ П. Оттуда мы проѣхали въ Часовню, гдѣ, напившись чаю у почтмейстера Коз. и вернувши ему дочку его, Анну Николаевну, усталою, но невредимою, отправились на пароходъ.

Пріѣхавъ въ Самару, мы не хотѣли останавливаться въ гостиницѣ и Аннушка взялась найти намъ квартиру. Намъ приходилось прожить нѣсколько дней въ Самарѣ для сдачи отчетовъ. Аннушка нашла для насъ квартиру у своихъ знакомыхъ—староверовъ, которые уступили намъ двѣ комнаты въ принадлежащемъ имъ маленькомъ кирпичномъ домикѣ а, сами перебрались въ кухню. Аннушка разсказывала, что старики-хозяева, мужъ и жена, были страшными противниками врачей; у нихъ заболѣла холерою взрослая дочь-дѣвица и они ни за что не хотѣли принять медицинскую помощь для нея; дѣвушка умерла—и, вдругъ, родители ея видятъ, что врачи спасаютъ многихъ холерныхъ; тогда несчастные старики начали укорять себя въ недомысліи и невѣжествѣ и сдѣлались сторонниками „дохтуровъ“. Какъ-бы тамъ ни было, но насъ они приняли очень ласково.

Теперь насъ въ отрядѣ было немного. Машенька и Груша вернулись домой, Илья Александровичъ и Павла Николаевна уѣхали, сестры Коз. остались въ Часовнѣ, Иванъ Григорьевичъ ушелъ домой къ своей старухѣ, а Митрофанъ вернулся къ молодой женѣ въ деревню, но Аннушка и Авдотья остались съ нами. Насъ было четверо: двѣ сестры Кол., Анна Михайловна и я. Но наши сотрудники никакъ не могли надолго покинуть насъ. Уже черезъ два дня съ утра къ намъ начали являться Иванъ Григорьевичъ и Митрофанъ, который вернулся изъ деревни говоря, что соскучился по насъ. Командировка сильно повліяла на Митрофана: поступивъ въ отрядъ, онъ производилъ впечатлѣніе едва вышедшаго изъ дѣтскихъ лѣтъ подростка, наивнаго, добродушнаго и простоватаго; я очень удивилась, узнавъ, что родители уже женили его. Отдавая ему первыя заработанныя имъ за мѣсяцъ деньги, двадцать рублей, я такъ и предпологала, что онъ сейчасъ-же отошлетъ ихъ въ деревню, но онъ и не подумалъ объ этомъ купилъ себѣ сапоги съ глянцемъ и скрипомъ и франтоватыхъ красныхъ рубахъ, а на слѣдующій мѣсяцъ заказалъ темносиняго сукна армякъ со всякими складочками и вышивками; послѣ этого онъ все смотрѣлся въ зеркало и приставалъ къ Надеждѣ Яковлевнѣ и Софьѣ Яковлевнѣ, чтобы онѣ сказали ему, хорошо-ли сидитъ армякъ сзади. Но главное интересно то, что въ каждой деревнѣ, гдѣ Митрофанъ находился, онъ заводилъ романы, и нѣсколько дѣвицъ сразу по немъ сохли и вяли, а онъ довольно пренебрежительно обходился съ ними, чувствуя свое

превосходство въ виду суконнаго армяка и сапогъ со скрипомъ. Вѣроятно, и теперешній его пріѣздъ въ Самару былъ вызванъ желаніемъ показать женѣ, что онъ ея властелинъ и не очень-то въ ней заискиваетъ.

Являлась къ намъ часто и Раиса, чувствовавшая какую-то родственную связь съ десятымъ санитарнымъ отрядомъ, не смотря на то, что ей отъ меня порядомъ доставалось.

Помимо отчетовъ земству мнѣ предстояло въ Самарѣ явиться къ губернатору и къ врачебному инспектору. Съ этого я и начала.

Когда я пришла во врачебную управу, то мнѣ сказали, что инспектора еще нѣтъ и онъ, можетъ быть, совсѣмъ не придетъ, но что помощникъ его скоро будетъ. Когда этотъ послѣдній пришелъ, я объявила ему, что пріѣхала изъ Ставропольскаго уѣзда и прошу сказать мнѣ, имѣю ли я право вернуться въ Петербургъ; онъ просилъ меня дождаться инспектора. Я, между прочимъ, обратилась къ нему съ просьбою какъ нибудь пристроить старика Ивана Григорьевича,—онъ обѣщалъ сдѣлать, что можетъ, и пошелъ въ канцелярію, чтобы внести его въ какой-то списокъ. Я осталась ждать инспектора. Долгое ожиданіе наскучило мнѣ и я, чтобы чѣмъ нибудь развлечься, начала разсматривать комнату, въ которой находилась. Что это—пріемная или кабинетъ инспектора? Письменнаго стола въ собственномъ смыслѣ нѣтъ— есть длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ посреди комнаты,—вокругъ него стулья, на одномъ концѣ кресло, на столѣ чернила, бумага, перья и пепельницы. Предполагая, что если въ комнатѣ есть пепельницы, то курить въ ней можно, я закурила папиросу, удобно усѣвшись въ мягкое кресло, что послѣ жесткихъ деревенскихъ лавокъ было очень пріятно. Въ это время кто-то вошелъ въ комнату. Я сидѣла, облокотившись на столъ, подпирая голову рукою, и думала о разныхъ вещахъ, относившихся къ моей командировкѣ; я такъ задумалась, что сначала не обратила вниманіе на вошедшаго и взглянула на него только черезъ нѣкоторое время. Отъ скуки я принялась разсматривать и его: это былъ благообразный, нестарый, русый господинъ, съ свѣжимъ полнымъ лицомъ, на которомъ теперь выражалась досада. Онъ былъ корректно одѣтъ въ черный сюртукъ и бѣлоснѣжную рубашку,—на жилетѣ его вилась толстая золотая цѣпочка отъ часовъ; онъ ходилъ по комнатѣ и нетерпѣніе его и досада, повидимому, все возрастали; теперь въ глазахъ его выражалось прямо негодованіе.

„Что это“, думалось мнѣ: „какъ долго здѣсь заставляютъ ждать!.. Вотъ этотъ, въ сущности, весьма симпатичный помѣщикъ совсѣмъ разсердился“...

Помѣщикъ иногда взглядывалъ на меня очень неласково, такъ неласково, что мнѣ сдѣлалось не по себѣ, — я встала съ

мѣста, отошла къ окну и отвернулась. Вдругъ мой помѣщикъ какъ-то очень скоро очутился на моемъ креслѣ за столомъ и положилъ на столъ портфель, котораго я у него раньше не замѣтила... я догадалась, что это самъ медицинскій инспекторъ.

Неловко мнѣ было очень, но комизмъ положенія былъ таковъ, что я невольно разсмѣялась и, подойдя къ столу, сказала:

— Извините, ради Бога, г. инспекторъ, за безцеремонность, съ которою я усѣлась въ ваше кресло... Проживъ столько времени въ дикихъ мѣстахъ, я сама превратилась въ дикаря... Позвольте представиться: женщина-врачъ П., болѣе двухъ мѣсяцевъ работавшая съ десятымъ санитарнымъ отрядомъ въ Ставропольскомъ уѣздѣ... къ тому-же, я не узнала васъ...

— Но вы, кажется, являлись ко мнѣ передъ отъѣздомъ и не могли въ такой короткій срокъ забыть...

— Все забыла, г. инспекторъ! По пріѣздѣ въ Самару я испытала такую массу новыхъ впечатлѣній, что въ памяти моей удержались только выдающіяся событія... И мнѣ кажется теперь, что я не два мѣсяца, а цѣлыхъ два года пробыла въ командировкѣ...

— Скучали?.. Вѣроятно, мало дѣла у васъ было, что время такъ долго тянулось?!..

— Наоборотъ, нисколько не скучала... Мы судимъ о времени, главнымъ образомъ, по количеству воспринимаемыхъ впечатлѣній... а ихъ было столько, что хватило-бы, пожалуй, и на три года...

— Гдѣ же вы были?

Я начала разсказывать о командировкѣ; инспекторъ скоро смягчился и, вѣроятно, искренно простилъ мою невольную неловкость. Потомъ пришли его помощникъ, г. У., и студентъ Бл-товъ. Послѣдній довольно сухо спросилъ меня:

— А почему сестра Ольга Алексѣевна должна была оставить вашъ отрядъ?

Тонъ его и то, что я знала о нравственныхъ качествахъ Ольги Алексѣевны, заставили меня понять, что она на меня нажаловалась, и я очень хладнокровно отвѣтила:

— Потому что я ее удалила, какъ человѣка, не соотвѣтствующаго тому, что требуется отъ сестры милосердія... Надѣюсь, вы не выдали ей похвальнаго свидѣтельства?..

— Въ виду того, что вы намъ не представили рапорта о ней, мы свидѣтельство выдали...

Я разсказала, какъ работала Ольга Александровна, и прибавила:—очень жаль, что это получило названіе „добросовѣстнаго исполненія обязанностей"...

— Что-же вы желаете, чтобы отъ нея отобрали свидѣтельство?

— Господь съ ней! Я рада, что не мнѣ пришлось оцѣнивать ея поведеніе... Пусть судьей ей будетъ собственная совѣсть!..

Въ общемъ мы разстались дружелюбно. Я дала мотивирован-

ный отзывъ объ остальныхъ членахъ отряда и просила выдать имъ хорошіе аттестаты, а относительно сестеръ Кол. прибавила, что рѣдко мнѣ случалось видѣть лучшихъ людей.

Вообще, въ Самарѣ насъ очень обласкали. Фельдшерицы мои даже конфузились и говорили, что насъ расхваливаютъ точно какихъ-то героинь... На это я отвѣчала имъ:

— Успокойтесь—здѣсь мы героини, въ Москвѣ мы будемъ обыкновенными смертными, а въ Петербургѣ (говорю теперь о себѣ—не о васъ) дай Богъ, чтобы за что-нибудь отвѣчать не пришлось...

Мы сняли фотографію съ нашего отряда: группа состояла изъ сестеръ Кол., Анны Михайловны, Машеньки, меня, Авдотьи, Аннушки, Ивана Григорьича и Митрофана со всѣми принадлежностями нашего труда: кто съ фонаремъ, кто съ корзинкой лѣкарствъ, кто съ гидропультомъ... Относительно Авдотьи мы сошкольничали: за скопидомство ее изобразили съ узломъ ея собственныхъ вещей подъ мышкой.

Познакомилась я въ Самарѣ съ докторомъ Португаловымъ и семьею Сол. Всѣ интеллигентные люди, пріѣхавшіе трудиться на холеру, находили у Португалова радушный пріемъ. Мы могли адресовать къ нимъ письма, посылки и т. д. Каждый шелъ сюда, какъ бы къ давнишнимъ дорогимъ друзьямъ.

Не менѣе радушный пріемъ встрѣтилъ меня у Сол. Розыскала я также свою милую фельдшерицу, Соню Г., съ которой дежурила ночь по пріѣздѣ въ самарскомъ холерномъ госпиталѣ. Я пришла къ ней въ ея тѣсную квартирку, гдѣ она жила съ родителями и кучей братьевъ и сестеръ. Отецъ ея былъ еврей, учитель чистописанія; всѣ они были очень симпатичные люди. Говорятъ, что хорошихъ людей мало; а я скажу: хорошихъ людей больше, чѣмъ дурныхъ. Только, чтобы узнать ихъ хорошія качества, нужно умѣть подойти къ нимъ съ той стороны, гдѣ къ нимъ есть доступъ и увидать ихъ при благопріятныхъ условіяхъ.

Приглашали насъ всюду радушно и принимали ласково, точно дорогихъ друзей. Между прочимъ, мы были и на актѣ самарской фельдшерской школы. Весь тогдашній подборъ, какъ преподавателей, такъ и учеництъ, произвелъ на меня прекрасное впечатлѣніе. Что касается учениковъ, то здѣсь, какъ и вездѣ, повторялось обычное явленіе: ученицы, образовательный цензъ которыхъ былъ гораздо выше, принадлежали въ большинствѣ къ интеллигенціи,—ученики же поголовно могли быть названы полуинтеллигентными, а нѣкоторые стояли даже на очень низкомъ уровнѣ развитія. Насъ перезнакомили на этомъ вечерѣ чуть не съ половиною города.

На слѣдующій, послѣ этого вечера, день, я, немного усталая, сидѣла дома, когда ко мнѣ собрались всѣ наши санитары. Имъ

уже были выданы аттестаты. Что касается меня, то я сама еще ничего не получала и не знала получу-ли какое-нибудь свидѣтельство о своей дѣятельности. Санитары спросили меня, кто же мнѣ выдастъ аттестатъ. Я отвѣтила, что ничего не знаю. Тогда Иванъ Григорьевичъ сказалъ:

— Не знаю, выдастъ-ли вамъ что-нибудь начальство, а только мы то уже вамъ свидѣтельство выдадимъ отъ себя, если вы не обидитесь...

Я разсмѣялась и сказала, что мнѣ будетъ очень пріятно получить отъ нихъ какое имъ угодно свидѣтельство и что я буду хранить его на память.

— Ну, такъ хорошо же!—отвѣтили мои бывшіе подчиненные.

Къ этому же времени относится очень тяжелое воспоминаніе: слабое здоровье сестры Анны Михайловны было серьезно надломлено непосильнымъ для нея трудомъ по командировкѣ; въ Самарѣ она получила какое-то непріятное извѣстіе изъ Петербурга и тутъ впервые выказала признаки психическаго разстройства. Много пришлось намъ хлопотать съ ней, при чемъ добрѣйшій докторъ Португаловъ существенно помогъ намъ; она, впрочемъ, на этотъ разъ, повидимому, поправилась, и мы ее въ Петербургъ привезли въ хорошемъ состояніи.

Наканунѣ отъѣзда мнѣ выдали очень лестное свидѣтельство, за подписью губернатора и медицинскаго инспектора.

На вокзалѣ насъ проводилъ кое-кто изъ знакомыхъ и, понятно, всѣ члены отряда, остававшіеся въ Самарѣ. Иванъ Григорьевичъ сіялъ въ блескѣ своихъ заново вычищенныхъ крестовъ и медалей. И вотъ, вдругъ, въ залѣ I класса, гдѣ мы сидѣли, онъ подходитъ ко мнѣ, въ сопровожденіи Аннушки, Авдотьи и Митрофана, и торжественно преподноситъ мнѣ письменный документа отъ себя и своихъ товарищей, а потомъ Аннушка и Авдотья начинаютъ меня обнимать, цѣловать и обливать слезами... Окружающая публика недоумѣваетъ... Иванъ Григорьевичъ произноситъ торжественную благодарственную рѣчь... Я же совершенно смущена этой сценой и не знаю, что дѣлать: улыбаться ли ея комизму, или, по просту, расплакаться, такъ какъ я до глубины души тронута и мнѣ ужасно жаль бросить на произволъ судьбы этихъ добрыхъ людей, столько времени скромно, самоотверженно и неутомимо помогавшихъ мнѣ.

Вотъ содержаніе бумаги, которую тутъ-же передалъ мнѣ Иванъ Григорьевичъ и которую я до сихъ поръ храню. Она написана собственноручно старикомъ.

Ея Высокоблагородію

Начальнику 10-го Санитарнаго отряда женщинѣ-врачу Адѣлаидѣ Николаевнѣ Госпоже Паевской.

Мы, ввѣреннаго Вашему Высокоблагородію отряда, разныя чины и званія, честь имѣемъ выразить къ Вамъ, искреннею нашу

благодарность и вѣчную признательность за Ваше благоразумное нами распоряженіе и внятнаго наставленія для поданія холернымъ, больнымъ, помощи: за что и желаемъ, Вамъ, здравія и долгоденствія на многіе лѣта и хорошаго въ жизни свыше успѣха въ чемъ и подписуемся 22 Октября, 1892 г. Г. Самара.

Санитары:
Отставной унтеръ - фицеръ 5 Пѣхотнаго Калужскаго Его Императорскаго Величества Императора Германскаго Короля Прусскаго полка Иванъ Григорьевъ Верзиловъ.
Крестьянинъ Самарской губерніи и уѣзда села Колывана Митрофанъ Гостивъ.

Сидѣлки:
Мѣщанка города Корсуна Симбирской губерніи Авдотья Сергѣева Мельникова.
Солдатка Нижегородской губерніи Арзамасскаго уѣзда, дер. Трянгушъ Анна Хитяева.

До Москвы мы доѣхали совершенно благополучно въ III классѣ, который показался намъ верхомъ комфорта, послѣ нашихъ скитаній по дебрямъ и пустынямъ въ плетенкахъ и телѣгахъ. Что касается до меня, то на пути отъ Самары до Москвы я уже настолько отдохнула, что хоть-бы и сейчасъ въ новую командировку.

При встрѣчѣ съ московскими докторами исполнилась первая половина моего предсказанія, касавшагося отношенія къ намъ и нашему труду: мы слышали похвалу тому, какъ санитарное дѣло поставлено въ Московской губерніи, и сѣтованія на то, что въ Самарской губерніи все ведется совсѣмъ иначе; на насъ-же смотрѣли довольно снисходительно, какъ на людей, кое-что дѣлавшихъ, но уже далеко не какъ на „героинь".

Вернувшись въ Петербургъ, я удивила всѣхъ знакомыхъ перемѣною, произошедшею во мнѣ. Я ѣхала въ Самару полу-больная, изнервничавшаяся, теперь я смотрѣла на жизнь бодро и съ довѣріемъ. А бодрость мнѣ была нужна, такъ какъ условія, угнетавшія меня до командировки, сдѣлались, пожалуй, еще тяжелѣе; но я была уже не та—я чувствовала, что окружающая пошлость не задушитъ меня, не засосетъ, какъ бездонное болото, я знала, что „живъ Богъ и жива душа моя!"

Въ Петербургѣ мало интересовались нашей командировкой, а были заняты другими дѣлами... по крайней мѣрѣ, такъ было съ тѣми лицами, которыхъ я встрѣчала. Такъ, напримѣръ, когда я по приглашенію одной изъ моихъ пріятельницъ поѣхала въ одно врачебное общество, то никто изъ присутствовавшихъ не предложилъ мнѣ ни одного вопроса о холерѣ: всѣ были заняты какими-то выборами въ какую-то комиссію для разбора узко-кружковыхъ интересовъ. Я проскучала отчаянно цѣлый вечеръ, дала себѣ слово больше не ѣздить въ такія общества и сдержала его.

Въ медицинскомъ департаментѣ я представила свои отчеты, а

также свидѣтельство, выданное мнѣ въ Самарѣ губернаторомъ и медицинскимъ инспекторомъ.

Прочитавъ послѣднее, мнѣ сказали:—Да, тамъ были очень щедры на подобныя свидѣтельства!

— Это все, что в—ство имѣете мнѣ сказать?

— Да, все!

А. Паевская.

---

* * *

Вотъ ужъ гаснетъ вдали умирающій день,
И густѣетъ сильнѣй зимнихъ сумерекъ тѣнь.
И едва изъ окна степь виднѣется мнѣ,
Какъ огромный мертвецъ въ снѣговой пеленѣ...
А по степи взвилась и бушуетъ мятель—
И шатаетъ, и рветъ придорожную ель,
Вдоль дороги несетъ снѣжный столбъ за столбомъ
И сердито стучитъ у меня подъ окномъ,
Скорбно воя въ трубѣ... Этотъ жалобный вой
Наполняетъ мнѣ грудь безысходной тоской!

Это кто же стоитъ, лобъ къ окну прислоня,
Смотритъ пристально такъ со двора на меня?
А! тебя узнаю... Бѣдный, слабый старикъ,
Неотвязный, какъ тѣнь, мой печальный двойникъ!
Бѣлы кудри твои и въ снѣгу борода,
И въ морщинахъ лицо,—слѣдъ борьбы и труда,—
Грусть нѣмая видна въ глубинѣ твоихъ глазъ,
И огонь боевой въ нихъ навѣки угасъ...
Улетѣли твои благодатные дни—
Никогда, никогда не вернутся они!

С. Синегубъ.
